

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

КРИС
КАРЛДЕН

Один из лучших
авторов триллеров,
наряду с Крисом Картером
и Себастьяном Фитцеком

mundolibris.blogspot.de

A black and white photograph of a hand holding a syringe with a red plunger. The hand is positioned in the center of the cover, with the fingers gripping the syringe. The syringe is angled downwards and to the left. The background is dark, making the hand and syringe stand out.

ПРОРОК
СМЕРТИ

Смертельная дуэль с убийцей-психопатом. Интригует и держит в напряжении.

Крис Карлден

Пророк смерти

Серия «Иностранный детектив»

pdf предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30474822

Крис Карлден Пророк смерти:
ISBN 978-5-227-07779-0

Аннотация

Журналист Бен Вайднер зашел к своей новой знакомой и обнаружил, что она убита. Молодую женщину утопили в ванне на глазах ее семилетнего сына. На стене в ванной журналист прочел надпись: «Вас будут окружать мертвые» – предсказание, которое он услышал от ясновидящего. Бен сразу же попал под подозрение. Он отчаянно пытается доказать свою непричастность к страшному преступлению. Но тут происходит новое убийство, а улики опять указывают на Бена Вайднера...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	37
Глава 5	42
Глава 6	49
Глава 7	51
Глава 8	60
Глава 9	71
Глава 10	80
Глава 11	87
Глава 12	98
Глава 13	103
Глава 14	109
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Крис Карлден

Пророк смерти

Chris Karlden

DER TODESPROPHET

Впервые издано в 2016 Aufbau Verlag, Германия

Серия «Иностранный детектив»

Copyright © 2016 by Chris Karlden (www.chriskarlden.de),
represented by AVA international GmbH, Germany (www.ava-internatoonal.de)

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

* * *

Посвящается Яне и Кристиане

Пролог

Бену казалось, что он теряет сознание, – таким невыносимым было напряжение. Последние силы покинули его, и руки, как увядшие лианы, повисли вдоль тела. Револьвер тяжелым грузом лежал в правой дрожащей ладони. Что ему сейчас делать? Всегда один и тот же вопрос, на который нет верного ответа. Что случится, и так ясно, даже если его мозг отказывался представлять себе это. Он слышал, как в ушах шумит бурлящая от адреналина кровь. Капли пота стекали по покрытому мелкой песочной пылью лбу. Все внутри протестовало против того, что от него требовалось, и овладевший им страх гулко кричал: «Нет!» Но у него не было выбора. Он должен застрелить стоящего напротив мужчину, иначе погибнет сам – как Майк.

Бледный заплаканный мужчина перед ним был в белой футболке поло. Бейдж на груди, сообщавший, что это Кевин Маршалл, был украшен обвитым змеей посохом Эскулапа – символом медицины. Ниже указано название гуманитарной организации, на которую врач, вероятно, безвозмездно работал. Маршалл шумно и неровно дышал, то и дело закусывая передними зубами нижнюю губу, отчего она начала кровоточить. Маршаллу, которого похитители притащили сюда, как Бена и Майка, на вид было чуть больше тридцати, и Бен задавался вопросом, есть ли тоже у этого мужчины, которо-

го он принял за американца, семья и ребенок. По нервному морганию и беганию зрачков своего визави Бен понял, что тот отчаянно ищет выход из этого кошмара, как и сам Бен. Но выхода не было. Кевин Маршалл, так же как и он, держал в руке револьвер, и через мгновение им придется выстрелить друг в друга.

– Теперь крутите! – приказал темнокожий главарь бандитов на ломаном английском. Белки блестящих, словно из стекла, глаз африканца имели желтоватый оттенок. Скулы резко выступали на истощенном лице. Работающая видеокамера на штативе рядом с ним была направлена на Бена и Маршалла. Мужчина смотрел на обоих, и лицо его было непроницаемым. Он, как и восемь вооруженных парней из его свиты, производили впечатление людей, которые слишком много потеряли, чтобы жизнь – как собственная, так и чужая – имела для них хоть какое-то значение. На лицах отражалось сочетание грусти и накопленной злости. Они направили свои пулеметы на Бена и Кевина, готовые в любой момент выстрелить. Африканцы пригрозили, что оба тут же погибнут под градом пуль, если откажутся участвовать.

Бен нерешительно поднял перед собой револьвер и, как приказал главарь, крутанул барабан, из которого до этого были вынуты все патроны, кроме одного-единственного. Маршалл сделал то же самое, уставившись на него глазами, в которых Бен видел только отчаяние и смертельный страх. Их проинструктировали до того, как включили видеокаме-

ру. Похитители потребовали, чтобы оба пленника подошли друг к другу на близкое расстояние, прицелились и по сигналу одновременно нажали на спусковой крючок. Если кто-то останется в живых, ему подарят свободу.

Бен быстро взглянул на стену, у которой лежал Майк. Его коллега и друг был мертв. Похитители первым поставили его перед камерой и напротив Маршалла. Майк упал на колени. Он плакал и просил сохранить ему жизнь. Когда он несколько раз отказался взять протянутый ему револьвер, главарь вышел вперед и убил Майка пулеметной очередью. Затем они оттащили Майка к стене и сунули револьвер в руку Бену. Вопрос жизни и смерти решится для него в следующие секунды. Его мозг отказывался понимать происходящее. Бену, главному редактору рубрики «Взгляд в мир», каждый день приходилось сообщать о том, как люди уходят из жизни самым трагическим образом. Он писал о голодающих детях, жертвах природных катастроф, убитых в войнах людях и многих других смертях, от которых нередко на глаза наворачивались слезы. Теперь он сам стал частью этого ужаса, жертвой коварной игры. Еще час назад все было в порядке. Бен, как журналист, поставил перед собой задачу привлечь внимание общества к нуждам людей в кризисных странах. Так как в африканской Эфиопии голод распространялся быстро, Бен и Майк, который был свободным фотографом и продавал свои снимки в том числе и газете, где работал Бен, поехали туда, чтобы на месте составить себе представление о

ситуации. Они как раз направлялись на арендованном джипе к деревне в десяти километрах от столицы и уже почти достигли цели, как перед ними возникли два внедорожника и перекрыли путь. Вооруженные до зубов местные выпрыгнули из кузова, вытащили Бена и Майка из машины, связали и увезли в какой-то дом в уединенном месте. Там в углу комнаты уже сидел связанный Кевин Маршалл. За обвалившейся в нескольких местах кирпичной стеной на километры простирался засушливый степной ландшафт с одиночными убогими костлявыми деревьями и кустарниками.

– Хватит! – сказал главарь. Сжав кулак, он поднял правую руку к потолку из соломенных циновок и тем самым дал начало дуэли. Бен и Кевин перестали вертеть барабаны револьверов, которые по инерции еще немного покрутились, как колес а Фортуны, и замерли. Бен медленно вытянул руку и прицелился в лоб противника. У Кевина Маршалла было круглое лицо и толстый живот. Он вообще походил на большого добродушного плюшевого мишку. Рот был открыт, нижняя челюсть тряслась. По щекам бежали слезы, и он всхлипывал. Как в замедленной съемке, Кевин тоже поднял свой револьвер, пока Бен не увидел отверстие дула, направленное ему в голову.

Бен порывисто дышал, его сердце стучало где-то в горле. На грудь навалилась свинцовая тяжесть. Ему стоило немалых усилий удерживать оружие в дрожащей руке и целиться Кевину в голову, он был словно в трансе. Один из них будет

убит рукой другого.

Пока камера безжалостно мигала красным огоньком, неуклонно записывая все происходящее, они смотрели на поднятую руку главаря. Когда он опустит ее, им нужно стрелять.

Бен задавался вопросом, сможет ли он нажать на спусковой крючок и убить человека, стоящего напротив. А что думает Кевин? Он испытывает то же самое? На мгновение ему захотелось опустить оружие.

Но он был словно замороженный. Лизе только семь лет. Ей нужен отец. Инстинкт выживания настоятельно приказывал ему воспользоваться единственным шансом и нажать на спусковой крючок, когда придет время. Даже если это будет означать убийство невинного человека. Он думал, какой оборот может принять эта дуэль. Вероятнее всего, они оба попадут на пустую камору барабана. Тогда эта щекочущая нервы игра начнется заново.

Если кому-то выпадет камора с патроном, все тут же закончится. Да и кто сказал, что один из них обязательно выживет? Последняя возможность заключается в том, что оба револьвера выстрелят.

Правое веко Бена начало дергаться. Вообще-то нервы его еще никогда не подводили. Но сейчас, перед лицом стоящей напротив смерти, они сдавали. Мухи, как коршуны, кружили у него над головой и издавали гул – как старые неоновые трубки, прежде чем испустить дух. Бурлящий в крови ад-

реналин еще заставлял его функционировать, точно управляемого дистанционным пультом, но из-за жары и недостаток воды у него кружилась голова, а поле зрения постепенно сужалось, превращаясь в уменьшающийся туннель. Свободной рукой он вытер едкий пот с глаз, чтобы хоть что-то видеть. В горле у него так пересохло, что он с трудом глотал. В таком состоянии он наверняка не попадет, даже если цель, голова Кевина Маршалла, находится прямо перед ним. Рука главаря по-прежнему парила в воздухе, как гильотина.

Секунды ожидания казались часами. Бен думал о Николь. Она угрожала, что бросит его, если он поедет в Эфиопию и будет подвергать себя ненужной опасности только ради аутентичного репортажа. Она просила его отказаться от поездки ради Лизы. Бен осознавал возможную опасность, но, как обычно, отогнал от себя эти мысли, проявил упрямство и все равно полетел. Мир должен был узнать, как страдают люди в Эфиопии и сколько их уже умерло от голода. Сейчас он сам превратился в жертву и даже не знал почему. Точно так же, как и Кевин Маршалл, он был здесь, чтобы помогать. Зачем эти мужчины так с ними поступают?

Потом настал тот самый момент. Главарь резко опустил руку. Бен прицелился, закрыл глаза и нажал на спусковой крючок. С разницей в одну сотую секунды звуки двух выстрелов отразились от стен комнаты.

Пятнадцать месяцев спустя

Глава 1

Убедить ее было непросто. Но в конце концов она согласилась. Ей нужны были деньги. И теперь она думала, что после сделанной работы он передаст ей обещанное вознаграждение просто так, перед дверью. Но у него был другой план. Он сказал, что должен убедиться, действительно ли она выполнила его задание. Она колебалась, пристально смотрела на него из-за приоткрытой двери на цепочке. Он заметил, что ей не очень хочется впускать его так поздно в квартиру, к себе и спящему ребенку. Улыбнулся, потому что знал: он может выглядеть таким безобидным. Наконец она кивнула, откинула дверную цепочку и впустила его внутрь.

Пока она шла в гостиную впереди него, он сунул руку в карман куртки и вытащил из полиэтиленового пакета пропитанную эфиром тряпку. Подумал о спящем ребенке, мимо комнаты которого они как раз проходили. Нужно вести себя тихо. Мальчик пока не должен проснуться.

«Сделай это, наконец, – приказал ему голос в голове. – Чего ты ждешь?»

Он быстро обхватил женщину правой рукой и приложил влажную тряпку ей ко рту и носу. Она испуганно вздрогнула и застонала. Он сильнее прижал ладонь к ее лицу и сжал левой рукой, не давая вырваться. В панике она начала вырываться. Правой ногой чуть не опрокинула деревянную стой-

ку с керамической статуей Будды. Свободной правой рукой ухватила его за плечо. Потом ее мышцы резко ослабли, тело обмякло, она потеряла сознание и осела. Мужчина подхватил ее и аккуратно опустил на пол. Она мирно лежала перед ним и выглядела совсем невинно. Но ему нельзя обольщаться. Дьявол является в любом облике. Он точно знал, почему она должна умереть, и он превратит ее смерть в послание, которое уже никто не сможет проигнорировать.

Она не должна была отречься от своего мужа. Она ведь клялась перед Богом: «Пока смерть не разлучит нас». Так теперь и будет. Она бросила мужа и тем самым разорвала то, что когда-то было связано воедино священным союзом.

Он снова был очарован ее красотой и поймал себя на том, что не может отвести взгляда от ее безупречного тела. Жаль ее, подумал он. Потом в его голове снова раздался ангельский голос, преследовавший его уже несколько недель, и потребовал довести дело до конца.

– Ты прав, – прошептал он и пробрался в детскую. На белых обоях были нарисованы разноцветные гоночные машинки. В детстве он бы тоже не отказался от таких обоев.

Ровное глубокое дыхание ребенка свидетельствовало о том, что ему снилось что-то хорошее. Наверное, в последний раз, долго еще ему не придется видеть добрых снов, подумал он. Но так и должно быть. Он снова вытащил свою тряпку и нежно приложил мальчику к лицу. Средство подействовало, ребенок даже не открыл глаза. Сладких снов.

Прошло полчаса, пока он сделал все необходимые приготовления. Потом мать мальчика пришла в себя. Спустя несколько секунд она поняла, где находится, что с ней не так, и наконец догадалась о его истинных намерениях. Она никогда не получит своих денег.

Он улыбнулся. Этого она видеть не могла. Его голову покрывала средневековая черная маска палача. Она попыталась закричать, но кляп во рту мешал, и издаваемые ею звуки походили на кряхтение и стон. Когда он открыл кран в ванной, глаза ее расширились от ужаса. Она посмотрела на него, своего судью и экзекутора. Он так связал ее, что она почти не могла двигаться. Тем не менее она прикладывала все силы, чтобы освободиться. Напрасно она напрягала свои мышцы. Возможно, крик громким эхом отзывался внутри ее, но наружу выходил только глухой стон. Такой тихий, что никто не мог этого слышать, кроме него и, наверное, ее сына.

Семилетний мальчик метался и рвался, стараясь освободиться. Ему потребовалось больше времени, чем планировалось, чтобы прийти в себя. В какой-то момент казалось, что малыш достаточно силен, чтобы сорвать батарею, к которой был прикован, с креплений. Он сможет испытать все на собственной шкуре и извлечет урок из того, что сейчас произойдет. А затем сможет передать это дальше. Сколько же энергии и сил в ребенке, который хочет спасти свою мать от смерти, а себя избавить от необходимости смотреть на это. Но благодаря пробке во рту и скотчу на губах крика и визга

было почти не слышно.

Ванна набралась. Он закрыл кран и наслаждался моментом, паникой, которая охватила ее. Возможно, она молилась, чтобы все оказалось просто сном. Он буквально ощущал, как она упрекала себя за доверчивость. Но у нее уже никогда не будет возможности проявить бдительность. Второй шанс бывает только в любовных мелодрамах. А здесь реальность, от которой не уйти.

Ее голова едва виднелась над поверхностью воды.

Он торжественно огласил приговор, не забыв обосновать его. Она должна знать, в чем виновата и почему он не может избавить ее мальчика от этой сцены. Казалось, она поняла, что умрет.

Он зажег свечу, которая озарила все происходящее в темной ванной комнате соответствующим праздничным светом. Вообще-то у него было достаточно времени, и он бы еще долго с удовольствием рассматривал ее. Но голос напомнил, что не нужно без необходимости продлять ее мучения. Поэтому он послушался приказа и продолжил. Привел приговор в исполнение и опустил ее голову под воду. Ее лицо находилось в нескольких сантиметрах от спасительного вдоха. Вновь и вновь его охватывало до сих пор незнакомое ему возвышенное чувство. Была ли это власть, которую он сейчас олицетворял? Власть над жизнью другого человека. Он наклонил голову, внимательно рассматривая жертву. Она дергалась, дрыгала ногами – это все, что позволял кокон из ве-

ревки, которой он обмотал жертву. Он почувствовал последнее сопротивление головы, которой она с силой упиралась в его ладонь, беспощадно удерживающую ее под водой. Через две минуты все закончилось. Она больше не могла подавлять дыхательный рефлекс и втянула воду в легкие. До этого он прочитал о смерти в результате утопления. Боль должна быть невыносимой. Потом жизнь выскользнула из ее все еще открытых глаз.

Он видел, как отлетела ее душа. Черная как вороново крыло. Он восстановил порядок, наказав ее. Но не избавил от грехов. Такое не в его власти.

Все-таки как странно. Лишь сейчас, когда собственная жизнь подходила к концу, это задание придало смысл его до сих пор бесполезному существованию. Его путь был ясен, план идеален. Он ни в чем не сомневался. Ему позволено служить. Это честь.

Сначала люди сочтут его деяние поступком сумасшедшего. Но он не псих. Это другие самовлюбленные нарциссы забыли, что такое настоящие ценности. Но со временем многие поймут его послание и признают, как важен был этот вклад в создание лучшего мира. И маленький мальчик тоже осознает, что его мать сама виновата в такой судьбе. А она будет не единственной, кого он покарает.

Глава 2

Сначала звонок казался далеким и приглушенным. Но раздражающий звук все глубже проникал в его подсознание и наконец окончательно разбудил. В первый момент Бен не понимал, где находится. Осторожно пошарил рукой вокруг и определил, что лежит на матрасе. Приоткрыл глаза. Яркий дневной свет резанул по сетчатке. Потом он распознал размытые очертания своей маленькой однокомнатной квартирки. Все это время телефон не унимался.

Нестерпимая стучащая и сверлящая боль под черепом сводила с ума. Он чувствовал себя прескверно. Со стоном поднялся с кровати. В этот момент его взгляд упал на дисплей радиобудильника на ночном столике. Когда по ночам он, весь в поту, просыпался из-за очередного кошмара и панический страх охватывал каждую клетку его тела, красные светящиеся электронные цифры казались ему гримасой дьявола, который алчно сверкал глазами.

Половина двенадцатого – непривычное время для подъема. Обычно он так долго не спит. Во сколько бы он ни ложился и сколько бы бессонных часов ни проводил в постели, он просыпался самое позднее между семью и восемью утра. Направляясь неуверенной походкой к столу, на котором лежал телефон, он задавался вопросом, почему жалюзи не опущены, как обычно, на ночь. Затем его взгляд упал

на разложенные рядом с телефоном бумаги. И в тот же миг вспомнил все, что произошло накануне вечером. Ему резко подурнело.

После работы он нашел в своем почтовом ящике конверт с бумагами по разводу. Значит, дело все-таки дошло до этого. Вопреки своим угрозам Николь осталась с ним после его возвращения из Африки. Эфиопские события тяготили всю семью, и Николь была рядом и поддерживала его. Но она также потребовала, чтобы он начал терапию, как посоветовал ему домашний доктор. Однако Бен пытался забыть все случившееся и продолжать жить, как будто ничего не было. Хотя ночные кошмары, в которых он снова оказывался перед Кевином Маршаллом, посещали все чаще, а чувство вины – вины за его убийство – с каждым днем становилось все сильнее. К тому же он все больше уставал от повседневности и раздраженно реагировал на вопросы о здоровье, как домашних, так и сослуживцев. Он еще сильнее стал упрекать себя, когда узнал, что Лизу в школе третируют, потому что в глазах одноклассников ее отец был убийцей. Лиза тяжело переживала ситуацию, но Бен не мог осуждать ни дочь, ни ее школьных товарищей. Они еще дети, а он и сам не знал, был ли убийцей или нет, хотя Николь и его врач постоянно твердили, что он не должен корить себя.

Когда спустя три месяца после возвращения домой Николь попросила его подыскать для себя квартиру, это стало тяжелым ударом для Бена. Правда, к тому времени он дол-

жен был признаться себе, что в таком психическом состоянии плохо действует на свою семью. Он находился в постоянном напряжении и чувствовал себя так, словно кто-то опустил на него невидимый колокол, который исключил эмоциональную связь с внешним миром. У него в голове часто царил странная пустота, или он был невнимательным, потому что мыслями витал где-то в облаках. Когда Николь и Лиза пытались его взбодрить, самое большее, на что он был способен, – вымученная улыбка. Лиза стала намного сдержаннее по отношению к нему, с тех пор как он вернулся. Раньше она, смеясь, бежала ему навстречу и повисала на шее, стоило ему только переступить порог дома. Сейчас при его появлении в ее глазах лишь вспыхивал огонек и тут же сменялся грустным и разочарованным выражением. Как будто она на мгновение забывала, что ее отец убил человека, но тут же снова вспоминала. Когда он пытался ее обнять, она позволяла быстрое объятие – нехотя, отвернувшись в сторону, – чтобы уже в следующий момент высвободиться из его рук. Это разбивало ему сердце: казалось, тесная связь с его маленькой принцессой осталась в прошлом. Но у него все чаще появлялось ощущение, что совместная жизнь в общей квартире скорее ухудшает отношения в семье, чем улучшает. Поэтому он согласился временно пожить врозь, как предложила Николь. Когда же и после этого он про долгал игнорировать терапию, Николь и Лиза стали все больше отдаляться от него. В конце концов Николь все-таки захотела окончатель-

ного развода, и, хотя с того момента прошел уже год, заявление о расторжении брака, полученное вчера по почте, снова ранило его. Конечно, он тут же позвонил Николь. Она попыталась как можно мягче объяснить ему, что в ее жизни уже появился другой человек. Правда, кто именно, сказать не захотела. Зато в конце разговора дала ясно понять, что определенно не видит ни одного шанса для совместного будущего с ним. Он не должен питать больше никаких надежд. Но Бен просто отказывался принимать, что безвозвратно потерял жену и дочь, которой к тому времени уже исполнилось восемь.

Вечером он встретился с Виктором перед кинотеатром у центра Sony, где они наткнулись на Тамару Энгель, школьную знакомую Виктора. Вечер закончился тем, что Виктору, как нередко случалось, пришлось уйти раньше из-за срочных дел, а Бен с Тамарой оказались в ее квартире. Последнее, что Бен помнил: он удобно устроился на Тамарином диване, а на столе перед ним стояла дымящаяся чашка с кофе.

Все еще погруженный в мысли, Бен взял телефон со столика и прервал бесконечный звонок, нажав на кнопку и даже не взглянув на экран.

– Почему так чертовски долго? – Это была Николь, в ее голосе звучал легкий упрек.

Бен вздохнул. В первый момент он испугался, не случилось ли чего с Лизой, но Николь была вполне спокойна.

– На твоём сотовом после пятого звонка включается го-

лосовая почта. Я уже в третий раз пытаюсь до тебя дозвониться. В редакции тоже никто не знает, где ты. У тебя все в порядке?

Бен не произнес еще ни одного слова. Он даже не поздоровался. Зато у него неожиданно появилось ощущение, что он стоит на палубе корабля, который разбушевавшиеся волны бросают из стороны в сторону. Его затошнило, и он с трудом сдержал рвотный позыв. Бен открыл рот, чтобы сказать что-нибудь, и заметил, что ему сложно сосредоточиться.

– У меня все хорошо, – прохрипел он. Весело прозвучать не получилось. В горле у него пересохло.

– А по голосу не похоже.

Возникла короткая пауза. Он не знал, что сказать. Его головная боль как раз готовилась выйти на новый уровень, и Бен спрашивал себя, зачем Николь вообще позвонила. Ведь не для того же, чтобы поинтересоваться его самочувствием. Возможно, ее мучают угрызения совести, потому что после ее заявления о разводе у него были все основания чувствовать себя паршиво. Но то, что он чувствовал себя физически разбитым, не имело к этому никакого отношения. Ему самому хотелось бы выяснить причину. Состояние напоминало похмелье после бурной ночи. Но кроме двух бутылок пива, в кино он не пил никакого алкоголя. По крайней мере, он этого не помнил.

– Бен? – Николь прервала его мысли.

– Да?

– Что случилось? Это из-за вчерашнего?

Они были женаты девять лет, поэтому ей даже не нужно было видеть Бена, чтобы определить по телефону, что с ним что-то не так.

Познакомились они весной, одиннадцать лет назад, на мероприятии для берлинских бездомных, которое организовала одна радиостанция, где Николь работала ассистенткой по маркетингу. Николь бросилась ему в глаза не только хорошей фигурой и длинными, слегка волнистыми светлыми волосами, но и своей наивной и доверчивой манерой. Она казалась энергичной, деятельной и веселой, но с легкоранимой душой.

Бен сделал глубокий вдох, прежде чем перейти к объяснению.

– У меня раскалывается голова, и я не знаю, как и когда добрался вчера домой.

Короткая пауза. Бен надеялся, что Николь не будет пытаться дальше. Но она продолжила. Он должен был догадаться.

– Хочешь сказать, ты снова был в отключке?

У Бена вырвался глубокий вздох.

– Головные боли и тошнота – это что-то новое. А в остальном похоже на то.

С тех пор как вернулся из Эфиопии пятнадцать месяцев назад, Бен пережил два случая временной потери памяти, похожих на вчерашний. Николь знала об этом. Возможно, вызванная событиями в Эфиопии психологическая травма

была тому причиной. Предыдущие провалы в памяти случались в ситуациях, которые напоминали ему пережитый там ужас. В первый раз это случилось почти полгода назад, в Новый год, который Бен тогда встречал один в своей квартире. Когда в полночь стали пускать фейерверки и послышались взрывы петард, он сначала пережил сильный приступ паники, потом перед глазами у него потемнело. Около двух он пришел в себя – лежа на полу в позе эмбриона, дрожа всем телом, – но не мог вспомнить, что происходило в течение двух последних часов. Два месяца назад Бен переходил улицу и ни с того ни с сего снова впал в шоковое состояние. Он как раз шел мимо ремонтируемого участка дороги, когда вдруг заработал отбойный молоток, треск которого напомнил Бену пулеметную очередь. Он затрясся всем телом, от панического ужаса не мог сдвинуться с места и абсолютно перестал ориентироваться. Когда светофор загорелся зеленым для машин, началась какофония автомобильных гудков, которая все лишь ухудшила. Наконец одна молодая женщина поняла, что он в затруднительном положении, и увела его с проезжей части. Пока он сидел на тротуаре рядом с мусорным баком и ждал вызванных медиков, перед глазами у него снова потемнело. Только в машине скорой помощи, уже на подъезде к больнице, он снова начал соображать. Врач скорой помощи объяснил Бену, что все это время он находился без сознания. Но Бен все равно не помнил, что происходило последние полчаса. Врач еще не забыл о похищении Бена.

Средства массовой информации подробно освещали тот случай со смертельной дуэлью. Речь шла о вооруженной группировке, которая обвиняла Запад в том, что их страна находится в плачевном состоянии. Бен, Майк и Кевин стали случайными жертвами, и если они хотели избежать немедленной казни, то должны были застрелить друг друга в одиночных поединках. Похитители записали дуэли на видеокамеру и потом выложили в Интернет. За два дня до этого в Средиземном море перевернулся корабль с беженцами, отплывший от ливийского побережья, и при крушении погибло более ста эфиопов. Среди них много детей. Похитители обвинили западный мир в неоказании помощи, из-за чего людям и пришлось бежать из Эфиопии: они страдали от голода, а многие вообще умирали от истощения. Из тех, кто решился на побег, большинство погибли еще на пути к пункту отправки, а те немногие, кто добрался до моря, утонули. Тот факт, что всего за неделю до этого прибрежные государства сократили финансовую помощь для спасения потерпевших кораблекрушение беженцев, лишь подлил масла в огонь.

С учетом данного эпизода в прошлом и таких симптомов, как продолжительные приступы страха и панические атаки, невозможность сконцентрироваться и постоянная раздраженность, врач подозревал посттравматическое стрессовое расстройство.

– Вам срочно нужна психологическая помощь, – заверил он Бена и добавил: – Если дело уже дошло до провалов в

памяти.

Бен никогда не прислушивался к мнению врачей. Зато верил в то, что большинство болезней можно вылечить и без лекарств. Его нынешнее состояние было тяжелым, но он не представлял себе, что какой-то психотерапевт сможет ему помочь. Единственное, на что были способны психологи, – это накачать его успокоительными, которые затуманивали сознание и превращали его в оболочку безо всяких эмоций. Но от таких методов он хотел отказаться, несмотря на приступы страха. Он не мог рационально объяснить свое упрямство, лишь знал, что не готов на протяжении многомесячных сеансов вновь и вновь прокручивать перед глазами пережитое. Временные провалы памяти казались ему меньшим злом. Поэтому вопреки рекомендации врача скорой помощи он не взял направление к психотерапевту.

Неожиданные панические атаки и флешбэки¹ начались лишь спустя два месяца после возвращения из Эфиопии. С тех пор он все чаще – в самых простых бытовых ситуациях, например услышав хлопнувшую пробку от шампанского, – катапультировался в тот дом, где его и Кевина Маршалла заставляли стрелять друг в друга, пока в живых не остался только один. И этим одним оказался он.

В фильме, который прокручивался в голове у Бена, он

¹ Флешбэк – психологическое явление, при котором у человека возникают внезапные, обычно сильные, повторные переживания прошлого опыта или его элементов.

снова наставлял револьвер на американского врача и нажимал на спусковой крючок одновременно со знаком, который подавал главарь банды. Но если пуля из револьвера американца лишь задела висок Бена, то Бен попал врачу прямо в лоб. Мозги и кровь брызнули на неоштукатуренную кирпичную стену позади.

С тех пор не проходило ни одной ночи, чтобы ему не снились те события и он не просыпался от ужаса весь в поту. Но, к сожалению, одними ночными кошмарами не обошлось. Днем его тоже посещали воспоминания и уносили, как ураган из «Волшебника страны Оз», в другой мир, казавшийся ему таким реальным. В ветхий дом, где его снова и снова заставляли нажимать на спусковой крючок.

Однако вчера вечером не было никакого флешбэка. Его воспоминания обрывались на том, как он сидел на диване у Тамары Энгель, знакомой Виктора, в районе Шенеберг. Затем, разбуженный звонком Николь, проснулся уже в своей постели.

– Я столько раз говорила, чтобы ты прошел курс психотерапии, Бен. Пожалуйста, подумай об этом еще раз. – Бен услышал, как Николь глубоко вздохнула. – Что последнее ты помнишь? – спросила она потом.

Бен вспомнил слова, которые так часто от нее слышал: «Иногда нам нужен кто-то, с кем можно поговорить о прошлом, чтобы оно не настигло и не поглотило нас». Но он считал, что все пережитое плохое лучше отфильтровать и

забыть, а не вытаскивать постоянно наружу.

– Я был в кино с Виктором.

Это была не вся правда, но, хотя они с Николь официально расстались, Бен чувствовал неловкость из-за того, что был у другой женщины, тем более что познакомился с ней всего несколько часов назад. К тому же он просто проводил ее до дома и поднялся лишь на чашку кофе.

– Ты должен понять, что не виноват, Бен.

Именно в этом он и сомневался. Он убил человека, чтобы спасти собственную жизнь. Не проходило ни одного дня, чтобы Бен не упрекал себя в этом.

– Я подумаю о терапии, – сказал он, чтобы не углубляться в эту тему. Прижимая телефон к уху, подошел к окну. На улице светило солнце, сочная зеленая листва на деревьях шевелилась на ветру. Яркий дневной свет по-прежнему резал глаза. Он опустил жалюзи так, чтобы между ламелями оставались лишь узкие просветы.

– Вообще-то я звоню, потому что мы сегодня собираемся в зоопарк, и не спрашивай, с чего вдруг, но Лиза хочет, чтобы ты пошел с нами.

Бен с трудом сглотнул.

«Дочь убийцы» – так обзывали Лизу другие ученики, потому что какой-то ненормальный папаша показал своему сыну на ютубе видео, где Бен был вынужден застрелить человека. Мальчик без труда нашел это видео в Сети и показал на телефоне своим друзьям в школе. Николь изо всех сил

старалась убедить Лизу в том, что ее отец не мог поступить по-другому и не виноват. Но не сумела найти правильный подход к Лизе, которая, как только Николь в очередной раз пыталась ей все объяснить, зажимала руками уши или просто убегала в свою комнату. Видимо, Лиза просто не могла понять, как ее отец мог совершить настолько ужасный поступок. Конечно, она задавалась вопросом, откуда берутся такие жестокие люди, которые заставляют других стрелять друг в друга. Лиза становилась все более холодной, грустной и замкнутой, и Николь нашла детского психотерапевта, на сеансах которого могла присутствовать вместе с дочерью. Потом Николь захотела разъехаться, потому что ей надоело, что Бен продолжал упорствовать и отказываться от медицинской помощи, хотя было очевидно, что он переутомлялся от обычных будничных вещей и страдал от перепадов настроения. К тому же она больше не хотела видеть, как от внезапного воспоминания о событиях в Африке ему на глаза наворачиваются слезы и он сжимает зубы. Совместная жизнь разрушала ее нервную систему. После того как Бен съехал, он видел Лизу лишь изредка, когда навещал их с Николь. Коротко поприветствовав его, дочь тут же скрывалась в своей комнате. Когда он звонил, они с Лизой обменивались несколькими словами и она быстро передавала трубку матери. С тех пор как Бен переехал, они не предпринимали ничего вместе как семья.

Понятно, почему Николь так настойчиво пыталась дозво-

ниться до него. Она знала, *что* этот поход в зоопарк значит для Бена.

– Встретимся в два часа у тюленей?

– Спасибо, – прошептал он в телефон.

– Прости?

– Я говорю спасибо. Это правда здорово. Я даже не осознал еще до конца.

– Отлично. Кстати, на этой неделе я просто на одном дыхании прочитала все твои статьи. Классная тема.

Николь явно хотела перевести разговор в другую плоскость, чтобы отвлечь Бена от его мыслей.

Глава 3

Бен думал о том, как Лиза обняла и поцеловала его на прощание, когда он уезжал в Африку. Ее светлые волосы были заплетены в две косички.

Когда подъехало такси, Бен на прощание помахал своей маленькой семье. У Николь и Лизы в глазах стояли слезы. Он обещал своим дорогим людям, что вернется через пять дней. В итоге он отсутствовал семь дней, а через несколько месяцев после возвращения потерял все: семью, самого себя, а потом еще и работу редактора в уважаемой берлинской газете. Спустя пять месяцев после возвращения Бена из Эфиопии издатели сообщили ему, что, к сожалению, он им больше не подходит. И Бен не мог не согласиться с ними. Он попросту был больше не в состоянии сосредоточенно работать. Часами сидел просто так и ничего не делал. А если и писал, то ничего достойного не выходило. Когда коллеги спрашивали его о чем-то, он дерзил в ответ, а если критиковали его работу или если кто-то делал не то, что он требовал, Бен реагировал в таком агрессивном тоне, какого не знал за собой прежде. В конце концов его освободили от работы и хотели, чтобы он обратился за медицинской помощью и вернулся после курса психотерапии. В ответ на это Бен уволился. Факт в том, что он больше не годился для написания статей в рубрике «Взгляд в мир», где слишком часто шла речь

о беспорядках, войнах и насилии. Работа над подобными темами неизбежно приводила к тому, что он снова возвращался в тот дом с дуэлью и долго не мог найти выход. Именно по этой причине больше не мог писать никаких статей.

Гораздо тяжелее, чем проблемы на работе, Бен переносил разлуку с семьей.

– Если ты полетишь туда, можешь уже не возвращаться к нам, – предупредила его тогда Николь. Он абсолютно серьезно воспринял ее угрозу и заверил, что это в последний раз. Но он постоянно это говорил. И сейчас вынужден пожинать последствия.

Еще никогда Бен не был так близок к смерти, как в том доме в Африке. После того как он пережил дуэль, похитители сдержали свое обещание отпустить выжившего. Они скрутили его, завязали глаза и после часовой езды выкинули из машины на площади какого-то маленького поселения. Жители деревни сообщили в полицию. Два часа спустя местные полицейские по его описаниям нашли дом с лежавшими там трупами Майка и Кевина. Примерно в то же время в Сеть было выложено видео с жестокой дуэлью. Еще до этого он, не сдерживая слез, успел по телефону сообщить Николь о случившемся. Через несколько дней, дав подробные показания, Бен смог вернуться домой.

– Работа для тебя важнее, чем семья. Тебе же все равно, что мы здесь с ума сходим от страха за тебя, – упрекнула его жена перед отъездом.

Он решительно возражал. Оправдывался тем, что мир должен узнать, как страдают люди в Эфиопии. Он хотел написать о голоде, чтобы привлечь внимание к этому ужасному обстоятельству.

Когда ему было двадцать девять, он уехал из Берлина и два года проработал в одной крупной гамбургской газете. И очень радовался, что ему поручили репортажи о зарубежных государствах. Будучи убежденным пацифистом, он верил, что, рассказывая о кризисных странах и уделяя особое внимание нуждам живущих там людей, он может внести свой вклад и изменить там что-то к лучшему. Вернувшись в Берлин и познакомившись с Николь, он все равно остался верен своей теме. Однако Николь так и не смирилась с тем, что для некоторых репортажей ему приходилось выезжать в кризисные регионы и снова подвергать себя непредвиденной опасности. Она не хотела жить в постоянном страхе за него. После рождения Лизы восемь лет назад он по настоянию Николь наконец-то отказался от иностранных репортажей и возглавил рубрику «Взгляд в мир», что лишь в редких случаях вынуждало его отправляться в командировки. Перед Николь же он оправдывался тем, что контактные лица на местах доверяли только ему и соглашались говорить исключительно с ним.

Тогда он особенно наслаждался возможностью вернуться к старому занятию и сменить свой костюм и письменный стол главного редактора на уличную одежду и походные

ботинки. Как Индиана Джонс: с одной стороны – хитроумный университетский профессор, с другой – любопытный и ищущий опасностей сорвиголова. Только во время последней операции его план не сработал. Все пошло не так и закончилось катастрофой, последствия которой отразились на его дальнейшей жизни.

Уже четыре месяца, как Бен снова работал репортером. В одной берлинской бульварной газете, принадлежащей его другу Виктору фон Хоенлоэ – наряду с частным банком и множеством фабрик, – и отвечал там за раздел «Курьезы».

Последняя публикация Бена была посвящена ясновидению. Статья представляла собой серию из шести частей и завершилась в сегодняшнем субботнем выпуске. Честно говоря, это была всего лишь попытка впечатлить Николь. Кроме того, она должна видеть, что он распрощался с тяжелыми темами и сейчас находится в поисках историй, которые ни в коем случае не могут подвергнуть его опасности.

В последние дни Бен расспрашивал о своем будущем двух женщин и одного мужчину, которые заявляли, что они ясновидящие. Но не говорил им, что он журналист. Как и ожидалось, все трое предсказали ему совершенно разное. Первая женщина, которую он посетил, разложила карты и сказала Бену, что ему предстоит счастливая жизнь. Вторая женщина увидела в хрустальном шаре, что Бена ждет много денег. Оба предсказания его не удивили: стандартный репертуар, который хотят услышать те, кто ходит к ясновидящим.

Когда Бен думал о своем последнем тестируемом кандидате, у которого был только вчера утром, его охватывало очень неприятное чувство. Мужчина почему-то произвел на него жуткое впечатление. Его звали Арнульф Шиллинг, и жил он в старинном доме на Шпрееталь-аллее с садом, граничащим с Рувальдским парком.

У Шиллинга были длинные седые волосы, которые спадали на плечи, и седая окладистая борода, достоящая ему до груди. Одет в темно-коричневый костюм. На вид ясновидящему, напоминавшему мрачного мага Сарумана из фильмов «Властелин колец», было около семидесяти. Колющий взгляд его глубоко посаженных глаз буравил Бена насквозь. Николь сказала бы, что Бен почувствовал негативную ауру этого человека.

Арнульф Шиллинг пригласил Бена в гостиную и указал на старое мягкое кресло. Когда Бен расположился, Шиллинг поставил стул прямо перед креслом и сел напротив Бена, так что их колени почти соприкасались.

Бен рассказал мужчине ту же историю, что и обоим предыдущим ясновидящим: он недоволен своей профессиональной и личной ситуацией и не видит никакой надежды, что это скоро изменится. Бен намеренно дал минимум информации о себе. Если протестированные до этого ясновидящие пытались целенаправленными вопросами выудить из него сведения, чтобы затем слепить более или менее подходящую версию будущего, то длинноволосый не проронил ни

одного лишнего слова, лишь уставился на Бена пронизательным взглядом. Потом Шиллинг улыбнулся, прочистил горло, взял Бена за руки и закрыл глаза. Спустя примерно минуту он сильно вздрогнул. Словно от удара тока, он резко выпустил ладони Бена и откинулся назад. Потом с сочувствием посмотрел на Бена. На лице появилось озабоченное выражение. Отличный номер, подумал Бен.

Шиллинг откашлялся, словно подбирая правильные слова.

– Вас ждет большое несчастье, – сказал он затем.

У Бена на губах застыла улыбка.

– Какое еще несчастье?

Шиллинг серьезно посмотрел на Бена и нахмурился.

Он словно раздумывал, что можно рассказать своему клиенту.

– Вас будут окружать мертвые, – сказал он наконец. Бен помрачнел. Хотя он и не верил в эту чушь, слова старика смутили его. Оба предыдущих кандидата хотели подсластить ему жизнь исключительно радостными перспективами. А этот человек, без сомнения, добивался обратного.

– Что вы имеете в виду?

– В ваших глазах я увидел ужасные вещи, которые вам вскоре предстоит пережить.

Этот мужчина шарлатан, его предсказание слишком неопределенное. Смерть когда-то настигнет каждого, а он вспомнит об этом человеке и скажет себе: он это предсказал.

– И что же вы увидели? – Бен был уверен, что Шиллинг попытается увильнуть от прямого ответа. В каком-то смысле так и случилось.

– В таких случаях, как ваш, я стараюсь избегать конкретики. В конце концов, я тоже могу ошибаться, и тогда было бы неправильно обременять вас.

В отличие от Бена Николь искренне верила в ясновидение. Не осталось почти ни одного гадалея на картах, у которого она еще не побывала. Этих трех он выбрал специально, потому что знал: их еще не было в списке Николь, и поэтому она особенно заинтересуется его серией статей на эту тему и устроенным напоследок тестом ясновидящих в субботнем выпуске.

Но Бен не сдавался. Он хотел, чтобы Шиллинг проговорился и выдал конкретное предсказание, которое потом, само собой, окажется неправдой.

– Но если я буду знать, что предстоит, мне, возможно, удастся это предотвратить. Не могли бы вы дать мне какую-то реальную подсказку? Чтобы я сумел распознать беду, о которой вы говорите.

Шиллинг медленно покачал головой:

– Поверьте, вам лучше оставаться в неведении. Вы все равно не сможете ничего изменить.

Постепенно Бену становилось не по себе. Скользкий тип.

– Может, вы ждете, что я заплачу вам за эту информацию? Теперь бородач удивленно поднял глаза. Несколько се-

кунд его голубой взгляд, казалось, сверлил Бена.

– Вы не верите в ясновидение, верно? Считаете, все то, чего нельзя научно доказать, не существует. Вероятно, и в Бога не верите. – Мужчина даже не дождался ответа Бена. – Ладно. Как хотите. Я докажу вам, что прав и знаю, *что* готовит для вас будущее.

Мужчина снова ухмыльнулся и погладил бороду.

– Я скажу, какое будущее разглядел в ваших глазах. Когда вы потом сами это увидите, то знайте: беда уже пришла.

Шиллинг снова выражался загадками. А потом назвал точную деталь, которая опять же ничего не раскрывала. Это были дата и время: 24 июня, 2 часа 41 минута. Затем ясно-видящий поднялся и проводил Бена до двери.

Глава 4

После душа и двух чашек кофе Бен почувствовал себя лучше. Он радовался, что Лиза сама ищет сближения, и надеялся, что скоро его дочь опять будет видеть в нем нежного отца, а не убийцу. Он желал, чтобы она забыла сцены из того видео. Если дочь позволит, он просто обнимет ее и прижмет к себе. Бен подумал, что неплохо было бы принести ей подарок. Лучше всего красивую одежду, например какую-нибудь футболку, но он не был уверен, что сможет угодить ее вкусу.

Бен вспомнил, как Лиза любила позировать перед большим настенным зеркалом в прихожей квартиры и устраивать там собственные модные показы. Но когда заметила, что он наблюдает за ней, смутилась и тут же перестала. Он думал о чудесных семейных отпусках. Особенно запомнилась четырехнедельная поездка в автокемпере. В конце Николь сделала большой фотоальбом, который они уже бесчисленное количество раз рассматривали вместе, сидя на диване, с Лизой посередине. В несколько этапов они доехали до Андалусии, каждые два дня ночуя в новом месте. Плавали в маленьких бухтах с кристально чистой водой, и он, с ведром и сачком, часами помогал Лизе ловить у берега мелких рыбешек или строить огромные замки из песка. Оторвавшись от прекрасного фильма, который прокручивался перед его внутренним взором, и переведя взгляд на часы, Бен заметил, как его губы

сложились в улыбку. Он бы все отдал за то, чтобы вернуть то время. До сегодняшнего дня у него было мало надежды, а после того как Николь подала на развод, шансы и вовсе сократились. Но предстоящий поход в зоопарк с семьей воодушевил его. Появилось ощущение, что, возможно, еще не все потеряно.

Мысленно все еще пребывая в тех счастливых днях, Бен проверял одежду, в которой был вчера вечером, на наличие своих ценных вещей. Связку ключей, как обычно, нашел в переднем кармане джинсов, неаккуратно брошенных рядом с кроватью, а в заднем кармане лежало портмоне. Однако поиск мобильного ни к чему не привел. Телефона не было ни на комодe, ни на столе. Не оказалось его ни в одном из карманов кожаной куртки, в которой Бен был вчера. Звонок со стационарного аппарата на мобильный тоже не помог выяснить местонахождение пропажи. Бен не услышал нигде звонка, хотя никогда не ставил сотовый на беззвучный режим. Значит, оставил телефон в квартире у Тамары Энгель. Сейчас около полудня. У него достаточно времени, чтобы забрать телефон и при возможности выяснить у Тамары, как он добрался домой.

Выйдя из подъезда и ступив на тротуар, Бен задался вопросом: удачная ли вообще идея вот так неожиданно появиться у Тамары? В конце концов, он не мог вспомнить события прошлого вечера. Может, он вел себя неподобающим образом, и она его выставила. Или – Бен надеялся, что это

не так, – они оказались в одной постели. По пути к метро – станция находилась всего в двухстах метрах от дома, где Бен снимал квартиру, – он еще раз попытался восстановить в памяти, что именно случилось вчера вечером после телефонного разговора с Николь.

Виктор и Бен встретили Тамару у касс кинотеатра. В последний раз они с Виктором виделись три года назад на встрече бывших одноклассников и вообще-то собирались поддерживать контакт. Но как часто бывает в подобных случаях, это так и осталось в категории благих намерений. Тамара одна воспитывала семилетнего сына Тима. Раз в месяц баловала себя походом в кино, пока ее мама присматривала за мальчиком. Вообще-то она условилась пойти на фильм с подругой, но та в последний момент отказалась. Тамара решила не портить себе мероприятие, которого уже давно и с нетерпением ждала, и отправилась в кино одна. Так и получилось, что они втроем пошли на один и тот же фильм, на котором Бен, правда, не мог сконцентрироваться. В голове у него вертелась одна мысль: Николь решила развестись. Через полчаса после начала фильма Виктор получил эсэмэс-сообщение, содержание которого оказалось настолько важным, что ему немедленно пришлось покинуть кинозал. Виктор фон Хоенлоэ был потомком дворянской семьи, которому – вслед за предками – удалось приумножить унаследованное богатство. Единоличное управление империей всевозможных предприятий требовало от Виктора быть на

связи в любое время дня и ночи. Почти не случилось такого вечера, чтобы не звонил телефон и от Виктора не потребовалось какого-то решения. Виктор пожелал Тамаре и Бену хорошего вечера и выскочил из кинозала.

Вероника, жена Виктора, ушла от него тринадцать лет назад вместе с их общим сыном Йоханнесом. С тех пор Бен видел своего друга исключительно в сопровождении верных хостес, которых Виктор нанимал, когда представлялся случай появиться с дамой. Но по-настоящему близкой женщины в его жизни не было.

После фильма Бен с Тамарой зашли в американское кафе за углом, где съели по куску теплого пирога с персиками. Тамара заметила, что мыслями Бен где-то далеко. И в какой-то момент он рассказал ей о намерении Николь развестись с ним. В ответ на это Тамара тоже разоткровенничалась. Ее бывший муж был заядлым игроком и проиграл небольшое состояние, которое досталось ей в наследство от родственников. Кроме того, это болезненно ревнивый и распускающий руки холерик. Он часто бил ее, даже на глазах у Тима. Все это естественным образом вырвалось из нее. Видимо, ее уже давно никто вот так не слушал. После развода Тамара открыла свое дизайнерское бюро. Но в таком креативном городе, как Берлин, многие занимались подобным бизнесом, и они с Тимом едва сводили концы с концами.

Выйдя из кафе, Тамара спросила, не сможет ли он проводить ее до дома. В такое позднее время она редко ходит

по улицам, к тому же все еще боится бывшего мужа, которого уже несколько раз видела перед домом, где она временно снимает квартиру.

Когда такси остановилось перед подъездом, было уже начало первого. Тамара попросила Бена подождать, пока она проводит маму, потому что та не очень обрадуется, если ее дочь появится посреди ночи в сопровождении незнакомого мужчины. Десять минут спустя Бен уже сидел в Тамариной гостиной на удобном диване, обитом коричневой искусственной замшей. С того момента он больше ничего не помнил. Отрезок времени до пробуждения час назад словно стерли из его памяти.

Глава 5

Когда и после третьего звонка дверь подъезда семиэтажного дома никто не открыл, Бен вытащил из кармана куртки блокнот и написал Тамаре записку с просьбой позвонить ему и указал свой домашний номер телефона. Только он собрался бросить листок в почтовый ящик, как из дома вышел пожилой мужчина. Приветливо улыбнувшись, придержал дверь для Бена. Тот вошел в подъезд и поднялся на четвертый этаж, где находилась квартира Тамары. Прикинул: если подсунуть записку под дверь, Тамара наверняка найдет его сообщение еще сегодня. В почтовом же ящике маленький листок легко не заметить, а может, она вообще будет проверять почту лишь в понедельник.

Он хотел присесть, чтобы просунуть листок бумаги под дверь, но заметил, что та лишь прикрыта. Он толкнул дверь, и она легко и беззвучно подалась.

– Тамара, ты дома? Это я, Бен! – крикнул он в глубь комнаты. Он уже намеревался оставить записку на комод, который стоял слева у стены в прихожей, но тут его что-то смутило. В прихожей было темно. Дверь в гостиную была открыта, а рольставни все еще опущены. А ведь уже почти час дня. Бен почувствовал: что-то не так. Он подумал о Тамарином муже, склонном к насилию. Что, если он видел, как вчера ночью она привела к себе в квартиру другого мужчину?

Бена бросило в холодный пот. Он с порога пошарил рукой по стене, включил свет и осмотрелся, чтобы понять, что случилось. А это его вообще касается? Стоит ему только войти и проверить, все ли в порядке, как наверняка в тот же момент придет Тамара, которая просто занимала у соседки пару яиц, и застанет его шныряющим по чужой квартире.

Нет, его любопытство, крайне необходимое для журналиста, достаточно часто заводило его в щекотливые и неприятные ситуации и было сейчас абсолютно неуместно. Наверняка есть какое-то логическое объяснение. Когда он снова выключил свет и уже хотел идти, из комнаты слева донесся глухой звук. Бен почувствовал, как у него на руках поднялись волоски и по телу побежали мурашки. Звук напоминал сдавленный крик.

Бен, как в трансе, направился к двери. Сердце колотилось, дыхание было быстрым и прерывистым. Когда его пальцы обхватили дверную ручку, перед глазами снова замелькали первые сцены из заброшенного дома в Эфиопии. Поднимающийся в нем страх вызвал эти видения. Он закусил нижнюю губу. Плевать на сотовый – мелькнула мысль, лучше просто развернуться и уйти. У него хватает собственных проблем, и самое главное сейчас – не опоздать в зоопарк на встречу с дочерью. «В два часа у тюленей», – тихо сказал он себе. Это его немного успокоило.

Но кто-то пытался привлечь к себе внимание. Бен не мог просто исчезнуть и сделать вид, что все в порядке. Он со-

брал все свое мужество, нажал на ручку и толкнул дверь. Дверь подалась, но, наткнувшись на какое-то препятствие, открылась лишь наполовину. Матовый свет из прихожей падал в ванную комнату, облицованную кафелем песчаного цвета. Помещение производило мирное впечатление. Не было слышно ни звука. Никаких признаков, что кто-то здесь нуждается в помощи. Может, ему показалось? Но тогда почему дверь не открывалась шире? Бен нажал на выключатель слева на стене. Под потолком вспыхнуло несколько спотов, и послышалось тихое жужжание вентиляционной системы. Бен еще раз вздохнул, сказал себе, что наверняка ошибся. И заглянул за дверь. В тот же момент ужас пронзил его буквально до мозга костей.

Он смотрел в воспаленные и заплаканные глаза маленького ребенка. В глаза, которые уставились на него, словно парализованные от ужаса и страха. Ребенок – руки за спиной – был прикован наручниками к нижней перекладине полотенецесушителя. Широкий скотч закрывал рот и половину лица мальчика. Бен опустился на колени и попытался разжать наручники, но не смог оторвать их от батареи.

Он не ошибся. Здесь произошло что-то ужасное. Бен старался не показывать свое напряжение ребенку, который испуганно отстранялся от него и вжимался в стену. По всей видимости, это Тамарин сын Тим. Но где его мать? Бена охватила паника. С каждой секундой ужас все сильнее овладевал им. Несколько мгновений он был не в состоянии думать или

что-то делать.

– Успокойся, я помогу тебе, – наконец сказал он. – Все будет хорошо, Тим. Тебя ведь так зовут?

Мальчик не реагировал. Только сейчас Бен заметил, что он дрожит всем телом. Бен осторожно попытался отклеить скотч – похоже, это причиняло мальчику дикую боль. Когда липкая лента была снята, Тим заскулил, как подстреленная собака, и из глаз хлынули слезы. Затем он начал сопеть и фыркать через нос, выплюнул на кафельный пол пробку и издал самый громкий и пронзительный крик, какой Бен когда-либо слышал. Лицо мальчика покраснело, на шее напряглись и выступили вены. Кто, ради всего святого, сделал это с ребенком? Какой сумасшедший был способен на такое: связать семилетнего мальчика и, с кляпом во рту, оставить в темной комнате? К этому как-то причастен его отец?

– Тихо, тихо, все позади, – прошептал он. Но малыш дергался и мотал головой в разные стороны. Дергал наручниками, кольца которых впивались в запястья и уже оставили кровавые раны.

Бен спрашивал себя, как долго мальчик просидел прикованным здесь на полу. Это должно было случиться после того, как он покинул квартиру. Только когда это было? На вопрос могла бы ответить Тамара. Но где она сейчас? Она не могла не заметить, что ее сын не спал в постели. Только если с ней что-то случилось. И тут Бену пришло в голову: кто бы ни сделал это с ребенком, сначала нужно было нейтрали-

зовать мать, которая наверняка пыталась помешать. У Бена затряслись руки.

– Все хорошо. Я помогу тебе, – шептал он невменяемому мальчику, сам не зная, как это сделать. У Тамары в квартире вряд ли найдутся инструменты, с помощью которых он сможет разжать цепь наручников или отпилить секцию батареи. Нужно позвонить, вызвать полицию и скорую помощь.

Лишь сейчас Бен заметил, что мальчик устался на шторку для ванны. Бена снова бросило в холодный пот. Сердце его сжалось, давление в груди предвещало скорый приступ паники. Как только Бен понял, что там, за шторой, скрывается нечто ужасное, все вокруг него исчезло – все, кроме этой белой, с разноцветными цветами шторы, которая словно надвигалась на него. Тим все еще кричал, но до Бена доносились лишь приглушенные звуки. В его фантазии разыгрывались ужасные сцены. Он осознал, что не штора приближается к нему, а он, словно в замедленной съемке, двигается в ее сторону. Тим сделал вдох и снова зашелся криком:

– Мааааааа...

Одним рывком Бен отдернул шторку в сторону. И вздрогнул, как будто внутри его взорвалась бомба.

– ...маааааа! – закончил Тим свой крик, чтобы тут же зареветь снова. – Мама!

Комната закачалась у Бена перед глазами. Он больше не знал, что делать.

«Я не могу оставить мальчика здесь одного. Но нужно со-

общить в полицию и вызвать врача. Проклятье, ну почему никто не придет на помощь?»

Потом он уже больше не мог справиться с дрожью. Колени не слушались и начали биться друг о друга. Бен опустился на пол. Эту дрожь он знал с той самой дуэли. На четвереньках Бен пополз к двери. То, что он увидел, навсегда останется в его памяти, как и вид мертвого Кевина Маршалла. Образы трупа Кевина и увиденного в ванной мелькали перед внутренним взором Бена. По лицу стекал пот. Ему мерещился металлический запах крови, которая впиталась в песчаный пол полуразвалившегося дома. Там, куда трех мужчин при- тащили умирать.

При этом Бен не видел никакой крови в ванной. Но весь ужас, через который пришлось пройти Тамаре, отражался в ее глазах – безжизненные, они с укором смотрели на него со дна ванны, до краев наполненной водой.

Наконец Бен добрался до телефона, который подзаряжался на комод в прихожей, и набрал номер службы спасения. Тим перестал кричать. Из ванной сейчас доносились только тихие всхлипывания. На лестничной площадке ни звука. Никого, кто из-за шума решил бы посмотреть, в чем дело. Один гудок – и на другом конце сняли трубку.

– Тут женщину убили. Ее сын был свидетелем, – проговорил, запинаясь, он. Потом назвал адрес и положил трубку. Нужно вернуться к ребенку. Кто-то должен быть рядом с Тимом, пока не приедут полиция и скорая. Но между Беном

и ванной словно возникла невидимая стена, которая не пускала его назад. Как будто он должен добровольно вернуться в тот проклятый дом в Эфиопии, где все начнется с самого начала.

Наконец он преодолел себя и присел рядом с Тимом, обнял рукой сотрясающееся тело мальчика и притянул к себе, словно ребенок должен был придать ему силы, а не наоборот. Но все мгновенно изменилось, когда Бен поднял глаза и взгляд упал на стену над ванной. Написанное черным фломастером послание набросилось на него, как тигр бросается на свою ошарашенную добычу. И Бену пришлось признать то, что он до сих пор отказывался воспринимать всерьез. Предсказание Арнульфа Шиллинга сбылось. «Вас будут окружать мертвые», – сказал он. На кафельной стене над ванной кто-то написал время, над которым он еще вчера смеялся, услышав его от ясновидящего, и от которого сейчас у него в жилах застыла кровь: 24 июня, 2:41.

Глава 6

Квартира женщины, с которой он познакомился в Интернете и которую собирался наказать следующей, была мило обставлена. В гостиной перед широким окном, через которое проникали солнечные лучи, стоял большой диван цвета мяты. На подоконнике выстроились горшки с орхидеями самых разных расцветок и фоторамки исключительно с изображениями симпатичной хозяйки квартиры и ее шестилетнего сына. На белых стенах висели картины – ландшафты, выполненные акриловыми красками. Напротив дивана стоял такой же белый, как стены, мебельный модуль с гладкой глянцевой поверхностью. Больше всего ему понравилась детская комната. С двухэтажной кроватью, снабженной шестом, чтобы спускаться вниз, и пиратским кораблем Playmobil со всеми необходимыми фигурами. А вот что касается спальни, там он лишь покачал головой. Какая же она все-таки лицемерка. Комната была выдержана в белом – цвет чистоты. А ведь он знал, что шлюха переспала с десятками мужиков, с тех пор как рассталась с мужем. «Пока смерть не разлучит вас». И эта женщина тоже думала, что может жить дальше как ни в чем не бывало. Он докажет ей обратное.

Ванная комната удовлетворяла его требованиям. Там стояла красивая большая ванна. Он даже хихикнул, настолько обрадовался собственной гениальности. Сейчас все было го-

тово. Уже скоро он восстановит справедливость.

«Вот и славно», – сказал ему голос.

Головная боль тут же отпустила.

– Спасибо, – прошептал он.

Он нежно погладил рамку с фотографией женщины. Сначала ее маленький сын будет плакать и убиваться от горя. Но когда-нибудь он поймет, что во всем виновата только мать.

Глава 7

Словно через какой-то стеклянный колокол, Бен услышал приглушенные звуки – это полицейские вошли в квартиру Тамары Энгель. Когда через секунду они ворвались в ванную, маленький Тим, который позволил Бену обнять себя одной рукой, все еще дрожал всем телом.

Полицейские освободили Тима от оков. И передали врачам. Бен смог лишь кивнуть на вопрос патрульного, он ли позвонил в полицию. Сидя в гостиной, все еще в оцепенении от ужаса, он наблюдал, как приехали работники научно-экспертного отдела. Вскоре к нему подошли два сотрудника уголовной полиции в штатском и начали задавать вопросы, на которые Бен мог отвечать только обрывочными фразами, даже не понимая, имеют ли они смысл. Помимо всего прочего он должен был объяснить им, почему вообще находится здесь. Затем его отвезли в участок, чтобы запротоколировать показания, – и вот он сидит в кабинете перед мужчиной за письменным столом, который представился Лутцем Хартманом, главным комиссаром уголовной полиции и руководителем Четвертой берлинской комиссии по расследованию убийств. На столе лежит записывающее устройство.

Хартман криво ухмыльнулся, откинулся на спинку кресла и сложил руки на груди.

– Все, что вы на месте сообщили коллегам, мы должны

еще раз официально зафиксировать в протоколе. Поэтому я запишу наш разговор.

Бен не мог выбросить из головы безжизненное тело Тамары на дне ванны. Ее тело от шеи до лодыжек было обмотано толстой веревкой. Взгляд пронзал насквозь. В нем читался безмолвный упрек. Последнее, что она видела, был, вероятно, тот, кто это сделал.

– Хорошо, тогда давайте начнем, – сказал Хартман и нажал на кнопку записи. – Значит, вы познакомились с Тамарой Энгель только вчера вечером через вашего друга Виктора фон Хюенлоэ?

Бен кивнул:

– Да, это так.

– Что произошло потом?

– Около полуночи я проводил Тамару домой, выпил у нее чашку кофе и потом ушел.

– Когда именно это было? – поинтересовался Хартман.

Бен представил, *что* подумает следователь, расскажи он ему о своем провале в памяти. Хотя ему нечего было скрывать, и он с удовольствием сказал бы правду, но напрасно вызывать подозрение у следователя тоже не хотелось. У здоровых людей провалов памяти почти не бывает. Сложится впечатление, что ему есть что скрывать. Какой-то обман. Если упомянуть, что он не помнит, когда покинул квартиру Тамары и как оказался в своей постели, то полицейский автоматически заподозрит, что Бен теоретически мог совершить

это убийство.

– Точно не знаю. Я не посмотрел на часы, – ответил Бен.

– Ага, а примерно?

– Полагаю, что провел у нее где-то пятнадцать – двадцать минут.

– То есть вы покинули квартиру Тамары Энгель примерно в полпервого?

– Похоже на то.

Хартман пристально посмотрел на него. Затем продолжил:

– А так как сегодня утром вы подумали, что забыли содовый в ее квартире, по дороге в зоопарк, где договорились встретиться с женой и дочерью, решили забрать его и обнаружили труп.

– Все верно, – подтвердил Бен и снова вспомнил предсказание ясновидящего: «Вас будут окружать мертвые». Дата и время, которые как подсказку сообщил ему старик, полностью совпадали с надписью на кафельной плитке в ванной комнате Тамары Энгель: 24 июня, 2:41. Как такое возможно?

Перед допросом Бен позвонил Николь и сообщил, что не сможет прийти в зоопарк. Конечно, слишком поздно. Было уже четверть третьего. Он мог себе представить, каково было Лизе, когда он, не предупредив, просто не появился в назначенное время. Николь, ответившая на звонок, поприветствовала Бена соответствующе холодно.

– Похоже, ты не осознаешь, насколько важна была сего-

дняшняя встреча! – накричала она на него. По ее вибрирующему голосу Бен понял, что от ярости и разочарования Николь чуть не плачет. – Ты вообще понимаешь, *что* дал понять дочери, не явившись на встречу? Что тебе на нас наплевать! Не думаю, что она скоро захочет с тобой общаться. – Слова Николь ранили Бена в самое сердце. Она была права. Он очень сильно разочаровал Лизу.

Врать Николь было бы бессмысленно. Кроме того, ему в голову не пришло ни одной отговорки, которая могла оправдать то, что он сорвал долгожданную встречу с дочерью. Поэтому нужно попробовать рассказать правду: посреди ночи он оказался на диване у женщины, с которой только что познакомился, а на следующее утро она была мертва. Он знал, насколько абсурдно это звучало – особенно для полиции. Но хотя они с Николь уже год жили отдельно, Бен не очень хотел рассказывать ей, что был у другой женщины, хотя и не преследовал никаких интимных намерений. Поэтому он постарался быть как можно более кратким и опустил подробности.

– Я нашел труп женщины. Ее убили. Я как раз даю показания в полиции.

На том конце провода наступила тишина.

– Боже мой... – прошептала Николь.

– Больше всего на свете мне хочется быть с вами в зоопарке. Мне важно, чтобы вы это знали.

Снова короткая пауза.

– Ладно. – Казалось, что Николь не может подобрать слов. – Но что именно случилось?

Бен вздохнул про себя. Как раз этого вопроса он хотел избежать.

– Подробности я тебе потом расскажу, ладно? Думаю, я скоро освобожусь.

Он завершил разговор и задался вопросом, что же Николь расскажет теперь Лизе. Насколько он знал жену, точно не его версию с убитой женщиной. Бен надеялся, что-нибудь такое, чтобы Лиза не разочаровалась в нем еще больше.

– Как там мальчик? Кажется, его зовут Тим? – спросил в свою очередь Бен у Хартмана. Комиссар был крепким мужчиной с бычьей шеей. Бен предполагал, что в свободное время полицейский с удовольствием толкал штангу.

– Отвратительно, он не разговаривает. Видимо, мальчик находился в ванной, когда преступник топил его мать, и вынужден был смотреть на это. Психолог как раз пытается разговаривать с матерью, а его самого, похоже, превратил в пожизненного пациента психушки.

Никто не представлял себе, что творилось сейчас в душе ребенка. Его отец-игроман не сможет вытащить сына из этой пропасти. Мальчик вряд ли справится с полученной психологической травмой и отсутствием материнской любви в будущем.

– И как, уже выяснили что-нибудь?

Хартман бросил на Бена испытующий взгляд, словно пытался оценить, задал ли тот вопрос чисто из интереса к расследованию.

– На картинках, которые нарисовал мальчик, голова преступника покрыта черным платком. Возможно, это балаклава или средневековая маска палача. А может, ребенок просто закрашивает голову черным, потому что хочет забыть лицо убийцы. Мы должны дождаться результатов психологической экспертизы.

Бен все время ломал голову, что же он делал в квартире Тамары. Ушел ли сразу после кофе? Но никак не мог вспомнить.

Хартман почесал лысый затылок и зажмурился. На Бена он производил впечатление человека, который не уверен, что ему дальше делать.

– Я понимаю, вы должны отработать все варианты и версии, но я могу сейчас идти? – спросил Бен.

– Да, мы закончили, – ответил полицейский, прищелкнув языком, и откинулся на стуле, так что большой живот заметно выпятился под слишком узкой футболкой поло. – Но будет неплохо, если вы найдете еще немного времени. Мы протоколируем ваши показания с кассеты, и вы подпишете документ.

Когда Бен согласился, Хартман пошел к двери, позвал сотрудницу и передал ей кассету.

Хартман напоминал Бену вышибалу у входа в ночной

клуб, который полностью осознает свою власть и злоупотребляет ею, чтобы пропускать только тех людей, кто, на его взгляд, вышли лицом.

– Вы ведь тот журналист, кому год назад пришлось застрелить такого же пленного, чтобы выбраться на свободу, – сказал Хартман и снова опустился на свой стул.

– Не понимаю, как это связано с тем, что я нашел мертвую женщину и ее обезумевшего сына и сообщил в полицию, – ответил Бен.

Однако Хартман зацепился за то ужасное событие, которое Бен мечтал навсегда стереть из памяти.

– Некоторые говорят, что вы не могли поступить по-другому.

Ну почему этот полицейский не может оставить его в покое? Бен чувствовал поднимающуюся внутри ярость – еще одно последствие той жестокой игры со смертью. Его порог раздражения был практически достигнут. Конечно, он мог бы позволить застрелить себя, но инстинкт самосохранения заставил нажать на спусковой крючок. Тем не менее его терзали угрызения совести, и Бен до сих пор не научился жить с такой виной как ни в чем не бывало.

– Ваш фотограф отказался участвовать в той извращенной игре. – Губы Хартмана не дрогнули.

Бену показалось, что он специально пытается рассердить его и посмотреть на реакцию. Он закрыл глаза и сделал глубокий вдох и выдох.

У Майка сдали нервы. Он безудержно рыдал и умолял сохранить ему жизнь. Бен снова увидел перед собой, как тело Майка вздрагивает под градом пуль.

Но Хартман еще не закончил. Бен задавался вопросом, что все это значит. Комиссар пытается надавить на него? Зачем?

– Один из похитителей поднимает руку, когда махнет – нужно стрелять. И вы выполнили приказ. Надо признать, дерьмовая ситуация. Но я бы предпочел быть убитым, чем доставить говнюкам удовольствие и покориться их воле.

Лицо главаря банды, которое преследовало Бена в ночных кошмарах, снова возникло у него перед глазами. Оно неизгладимо врезалось в его память. Желтоватые белки, пустой безжалостный взгляд. Адреналин бушевал в жилах Бена, как и пятнадцать месяцев назад, а сердце колотилось так быстро и сильно, что он с трудом дышал. Когда главарь опустил руку, Бен и Кевин нажали на спусковой крючок, и обоим выпала единственная пуля в барабане револьвера.

Пуля Кевина задела Бену правый висок. Жгучую боль и кровь он почувствовал лишь позже. Бен же попал врачу прямо в лоб. Он нажал на долю секунды быстрее, и, видимо, из-за отдачи револьвер дрогнул в руке Маршалла.

Бен снова сосредоточился на Хартмане, который своими вопросами вызвал у него это воспоминание.

– У вас есть семья? Дети? – спросил Бен спокойным и деловым голосом.

Хартман поднял брови и растянул губы в широкой улыбке.

– Это не имеет к делу никакого отношения и вас не касается, – ответил он затем. Бен легко выдержал взгляд Хартмана.

Такие, как Хартман, бесили его. Комиссар относился именно к тем бесчувственным, не желающим ничего понимать людям, которые все упрощают, не проявляют к другим сочувствия, которым всегда хуже всех и которые считают, что делают все правильно.

– У вас нет никого, кто вас любит. Никого, кто ждет вас, и никого, кто зависит от вас или будет плакать, если вы откинете копыта.

Хартман прочистил горло, собираясь возразить. Но Бен продолжил, прежде чем Хартман успел что-то произнести:

– Так что можете оставить при себе свое мнение, что бы вы сделали на моем месте. Потому что вы не можете этого знать.

Лысая голова Хартмана покраснела. Шейная артерия набухла и выступала. Казалось, череп полицейского, видимо не привыкшего к возражениям, вот-вот лопнет. В этот момент в комнату вошла коллега Хартмана и знаком пригласила его выйти в коридор. Она была взволнована и выглядела так, словно хотела сообщить что-то важное.

Глава 8

Прошло полчаса, прежде чем Хартман с коллегой вернулись в бюро. Женщина представилась Бену главным комиссаром Сарой Винтер.

– У нас есть к вам еще несколько вопросов, – сказала она.

– Я уже рассказал все, что знаю, – ответил Бен.

– Позвольте нам решать, – возразила комиссар. – Не могли бы вы пройти с нами?

Они с Хартманом привели его в серое помещение без окон, в центре которого стояли стол с микрофоном и два стула. Справа находилось зеркало-шпион. Стены были голые.

– Пожалуйста, садитесь, – сказал Хартман и указал на стул, придвинутый спинкой к стене. Сам Хартман остался стоять перед другим стулом напротив. Коллега встала за ним у двери. От его недавней ярости на Бена, продемонстрированной только что в бюро, не осталось и следа. Хартман смотрел серьезно, его тон был деловым.

– Вы же сказали, я подпишу протокол допроса и могу идти, – возразил Бен и неохотно сел.

– Появилась новая информация, которая требует продолжения разговора, – ответил Хартман. – Появились кое-какие зацепки, которые делают вас подозреваемым. Поэтому мы уточним некоторые детали, а потом решим, как поступить дальше. Наш разговор будет записываться на микрофон и

камеру.

Бен был потрясен. На лбу собрались морщины.

– Подозреваемый? С чего вы взяли?

Хартман повернулся к коллеге:

– Сара, дай-ка мне ту мерзкую газетенку.

Сара Винтер подошла ближе и протянула Хартману сегодняшней субботний выпуск «Берлинского бульварного листка», который все это время держала за спиной.

– 24 июня, 2 часа 41 минута. В вашей статье написано, что какой-то ясновидящий якобы назвал вам эту дату, а теперь именно эти цифры появились на стене в ванной убитой. С точностью до минуты. Как вы это объясните?

Бен ненадолго закрыл глаза и вздохнул. Теперь он был рад, что не рассказал Хартману о том, что не может вспомнить, ни что произошло в квартире Тамары после того, как она принесла ему кофе, ни как он добрался до дома и оказался в своей постели.

– Я знаю, как странно это выглядит. А вы уже рассматривали более вероятный вариант, что ясновидящий, Арнульф Шиллинг, как-то с этим связан? Может, он сам позаботился о том, чтобы его предсказание сбылось?

– Вчера утром вы пишете статью, которую публикуют в сегодняшнем номере и в которой эти дата и время играют важную роль. Данный момент якобы связан с чем-то жутким и зловещим. А сегодня вы находите убитую женщину в ванне, и на кафельной стене над ней обозначены те же самые

цифры, что в вашей статье. Это не мог быть читатель, в таком случае статья должна была выйти на день раньше.

Хартман молча обошел вокруг стола. То обстоятельство, что комиссар не садится, заставляло Бена нервничать.

– Как бы то ни было, – продолжил Хартман, снова становясь перед Беном, – отталкиваясь от этой газетной статьи, коллеги навели о вас справки. От людей из ежедневной газеты, где вы много лет проработали главным редактором, мы получили не самые лестные отзывы, которые вызывают дополнительные вопросы.

– И что же это?

– Несколько бывших коллег сказали, что после возвращения из Эфиопии вы сильно изменились. Вас было не узнать.

– Я просто пытался вернуться в повседневную жизнь и как можно лучше делать свою работу.

– Что вам, к сожалению, не очень удалось.

Хартман снова сделал паузу. Затем наконец сел напротив Бена. Тот, ища поддержки, посмотрел на женщину-полицейского. Но ее лицо оставалось безучастным все время, пока она наблюдала за Беном.

– Бывали приступы ярости, направленные на коллег, – продолжил Хартман. – Ваша работа оставляла желать лучшего. Вас хотели отправить в отпуск, потому что вы отказывались идти на больничный и пройти курс психотерапии. В ответ на это вы уволились по собственному желанию. И ваша жена вас тоже оставила.

Бен отчаянно пытался собраться с мыслями.

– Скажите, каким нужно быть идиотом, чтобы поехать на место преступления и позвонить в полицию, если я сам убийца? – В горле у него настолько пересохло, что Бен с трудом говорил, русые волосы прилипли к вспотевшему лбу. Над виском заныл шрам от касательного ранения – как всегда, когда он был в напряжении или нервничал.

Хартман пожал плечами:

– Во время дуэли в Африке вы смотрели смерти в глаза. А потом еще и расставание с женой и потеря авторитетного места. Сейчас вам приходится зарабатывать на жизнь написанием какой-то сенсационной чепухи для дешевой газетенки. В вашей жизни все перевернулось, а вы так и не обратились за психотерапевтической помощью. В таких условиях вполне может что-то накопиться, не так уж редко дело доходит до аффективной реакции. А у вас на время совершения убийства нет алиби.

– Это же чушь какая-то. Тамара была милой. Мы хорошо поладили. Почему я должен причинять ей вред? К тому же я знал ее всего пару часов.

– Мы тоже пока не можем этого объяснить, – согласился Хартман. – Но подозрительно то, что вы случайно познакомились с Тамарой накануне вечером, и именно вы на следующий день обнаружили женщину мертвой в ее ванне. К тому же эта история с указанием идентичного времени в вашей статье и на кафеле в ванной.

Бен сглотнул комок в горле. Он был не в состоянии что-либо возразить. Хартман сверлил его взглядом.

– Возможно, вы действовали в состоянии аффекта, потому что разозлились на женщину. Вам сейчас нелегко. Может, у вас сдали нервы, когда вы были у Тамары Энгель. Вы психически неуравновешенны. И не первый, кто неожиданно сорвался, – провокационно добавил он.

Тут Бен решил, что с него хватит. Он же не имел к этому абсолютно никакого отношения.

– Вместо того чтобы терять со мной время, вы бы лучше занялись поисками психопата, который таким зверским способом лишил мальчика матери. Что, например, с отцом ребенка? Тамара рассказывала, что он ее бил. А этого ясновидящего, Арнульфа Шиллинга, вы проверили?

Хартман вскочил так резко, что его стул опрокинулся на пол. Он наклонился вперед и оперся обеими ладонями о крышку стола.

– Вы что, за идиотов нас держите? Конечно, мы прорабатываем все версии и варианты. Но господин Шиллинг не представляет для нас особого интереса. Он не мог находиться в своем доме, когда вы якобы разговаривали с ним там. – Хартман наслаждался непонимающим взглядом Бена. Затем продолжил: – Мужчина уже три дня лежит в больнице и абсолютно уверен: с Беном Вайднером он в жизни не встречался.

– Это невозможно, – ответил Бен. Он был сбит с толку и

не мог поверить собственным ушам. Панически искал объяснения, его мысли кружились в голове, как поднятые ветром листья. Что это значит? И почему, как назло, именно сейчас все эти неувязки наложились одна на другую? Будь он прежним, как пятнадцать месяцев назад, журналистский инстинкт заставил бы его докопаться до сути дела. Но Бен заметил, что просто сдался. Дух борьбы покинул его. Бен просто хотел вернуться к себе в однокомнатную квартиру, чтобы зализать раны.

У него из-под ног словно выбили почву. Ко всему тому, что разыгрывалось здесь, в полицейском управлении, он еще и так по-идиотски профукал встречу с дочерью.

– И все это лишь потому, что я потерял сотовый в квартире женщины, которую убивают в ту же ночь, – пробормотал он.

– Что вы сказали? – спросил Хартман.

Бен вздохнул и поднял брови:

– Не оставь я свой мобильник в квартире Тамары, я бы даже не поехал туда. Тогда я пришел бы вовремя на встречу с дочерью, а не сидел бы сейчас здесь.

Бен подумал, что в этом случае маленькому Тиму, наверное, пришлось бы еще несколько часов провести в темной ванной комнате со своей мертвой матерью, и устыдился, что все равно предпочел бы, чтобы кто-нибудь другой, а не он, вляпался в эту историю.

Хартман шмыгнул носом:

– Вы бы оказались здесь в любом случае. Из-за одной только вашей газетной статьи. Правда, не так быстро. И вам для информации: мы перевернули квартиру жертвы вверх дном. Но вашего сотового телефона при этом не нашли.

Бен закрыл глаза, потер лоб и задумался. Сначала провал в памяти, который он не может объяснить, Арнульф Шиллинг, отрицающий, что говорил с ним, а теперь еще и тот факт, что его сотовый вовсе не у Тамары? Но где тогда? Он даже не осмеливался додумать до конца мысль, которая напрашивалась: возможно ли, что он действительно утопил Тамару в ее собственной ванне? Насколько он бывает сам не свой во время припадков? Все в Бене противилось такой идее. Нет, это невозможно. Пока он соображал и массировал виски, туман в его голове постепенно рассеивался. И на ум пришли другие варианты развития событий.

– Статья еще проходит корректуру, прежде чем попадает в печать. Кто-то мог увидеть дату в моей статье и использовать ее, чтобы повесить на меня убийство, – выдавил из себя Бен.

– Это маловероятно, но мы, конечно, проверим и выясним, кто после вас мог видеть этот текст. Но почему кто-то должен хотеть повесить на вас что-нибудь? – спросил Хартман.

Бен пожал плечами. На это он ничего не мог ответить. Даже семья Кевина Маршалла никогда не пыталась привлечь его к ответственности или хотя бы вступить с ним в контакт. Из прессы он знал, что брат Маршалла солдат и ни в чем не

упрекал Бена. «В такой экстремальной ситуации любой поступил бы так же», – заявил он. И вдова Кевина Маршалла, кому он выразил свои соболезнования и сожаление, не упрекала его в смерти мужа и отказалась давать прессе какие-либо комментарии. В первые два месяца после возвращения Бен получал множество писем, в которых люди выказывали ему глубокое сочувствие. Но было и несколько неприятных анонимных посланий с оскорблениями и даже угрозами. Но никто ведь не станет убивать невинную мать лишь для того, чтобы обвинить его в этом. Нет, за этим должно стоять что-то другое.

– Если это был не господин Шиллинг, с которым я встречался в его доме, то кто тогда? Значит, туда проник посторонний. Он выдал себя за Шиллинга и назвал мне дату, чтобы скомпрометировать меня. Этот мужчина и есть убийца.

Бен точно описал пожилого мужчину. Но у него было впечатление, что Хартман и его коллега, главный комиссар уголовной полиции Сара Винтер, совсем его не слушают.

– Вы сами подумайте, будь я убийцей, разве стал бы оставлять на месте преступления эти дату и время, о которых писал в статье, и тем самым компрометировать себя самого? – спросил Бен срывающимся голосом.

Хартман уставился на него и задумчиво сложил губы трубочкой.

– Это действительно странно. Возможно, вы хотели привлечь к себе внимание, чтобы вас схватили до того, как вы

еще кого-нибудь прикончите.

– Мне кажется, это слишком притянута за уши. А что с бывшим мужем Тамары Энгель? Она рассказала мне, что он агрессивен и следит за ней.

Хартман кивнул:

– Мы собираемся это проверить. Тамара Энгель действительно подала несколько заявлений на бывшего мужа, обвиняя его в сталкинге². Она чувствовала, что ей угрожают. Но доказательств преследования или слежки до сих пор не было. Восемьдесят пять процентов убийц – люди из близкого окружения жертвы. Поэтому мы тщательно прорабатываем и эту версию. Но все равно возникает вопрос, откуда бывшему мужу фрау Энгель знать дату и время из вашей статьи.

Наступило короткое молчание.

– Возможно, все это просто совпадение, – сказал затем Бен.

– Вряд ли, – отрезал Хартман.

Он поднялся, подошел к коллеге и зашептал ей что-то на ухо. Та несколько раз кивнула. Потом он вернулся и встал перед столом.

– Это все? Я могу идти? – спросил Бен.

– Нет, – ответил Хартман.

Бен растерянно посмотрел на него:

– Почему – нет?

– Прежде нам нужно поговорить с прокурором. Он решит,

² Сталкинг – преследование.

будет ли против вас возбуждаться уголовное дело и нужно ли привлекать судью по делам содержания в предварительном заключении. А еще мы попытаемся получить ордер на обыск вашей квартиры.

– Но это просто немыслимо! Вы не можете держать меня здесь все это время!

– Можем! Теоретически у нас есть право оставить вас здесь до завтра, до полуночи, безо всякого судебного решения.

Хартман и его коллега вышли из комнаты для допроса. Слова руководителя комиссии по расследованию убийств еще звучали в голове Бена, когда к нему вошли два полицейских и вывели его. Затем у него сняли отпечатки пальцев, его ладони были тщательно проверены на предмет каких-либо иных следов. Бен должен был отдать верхнюю одежду и обувь для криминалистического исследования. После того как ему снова разрешили одеться, его отвели в маленькую холодную одиночную камеру, которая находилась в здании Управления уголовной полиции на Кайтштрассе.

Еще сегодня утром Бен поверил, что его пикирование в пропасть позади, когда Николь сообщила ему, что Лиза хочет, чтобы он пошел с ними в зоопарк. А сейчас, всего несколько часов спустя, сотрудники уголовной полиции подозревают в нем убийцу женщины. Он даже боялся себе представить, что случится, если Лиза и ее школьные друзья об этом узнают. Достаточно будет одного подозрения, чтобы

заклеймить его раз и навсегда. И как только его имя просочится в прессу, он потеряет Лизу уже, наверное, навсегда. В общем, одно было очевидно: надежда, что его жизнь снова наладится, оказалась обманом. Он в стремительном падении и без парашюта продолжал нестись навстречу земле.

Глава 9

Через три часа пришли полицейские, которые до этого заперли Бена в камере, и сообщили, что он может идти. После того как главный комиссар Хартман дал понять, что улики достаточно даже для предварительного заключения и что они могут держать Бена все следующие сутки, неожиданное освобождение граничило почти с чудом.

По просьбе Бена полицейские на входе вызвали для него такси и позволили сделать телефонный звонок, которым Бен воспользовался, чтобы связаться с Виктором. Сегодня вечером ему нужен друг, с которым он мог бы поговорить. Виктор ответил после второго гудка. Выяснилось, что быстрое освобождение Бена его рук дело. В ходе вопросов полиции в редакции своей газеты он узнал о ситуации Бена. Затем позвонил Николь, с которой уже связался сотрудник Управления уголовной полиции и задавал странные вопросы о ее муже. После этого Виктор выяснил по собственным каналам, что именно за всем этим стоит. Своим типичным снобистским тоном Виктор объяснил Бену в двух словах, как организовал освобождение.

– Мы с главным прокурором иногда играем в гольф. Я уже несколько лет поддерживаю его политические амбиции пожертвованиями и взносами, где только могу. Скажем так: за ним уже давно числится должок, и поэтому он с радостью

рассмотрел твой случай. Ему удалось убедить прокурора повлиять на твое освобождение и отказаться от возбуждения уголовного дела, ходатайства о предварительном заключении и получении ордера на обыск твоей квартиры.

Бен поблагодарил.

– Мы можем встретиться чуть позже? – спросил он в конце.

– Нет, сожалею, через несколько минут у меня важный деловой ужин, который займет весь оставшийся вечер.

– Тогда в другой раз.

– Да, возможно, завтра, – ответил Виктор.

Когда после телефонного разговора Бен вышел за двери Управления уголовной полиции и ступил на широкий тротуар, было около восьми. Он глубоко вдохнул. И в отличие от спертого воздуха в здании городской воздух показался ему таким свежим, как морской бриз.

Неожиданно на улицу вышел Хартман и остановился прямо перед ним. С красным от ярости лицом он сквозь зубы процедил Бену:

– Возможно, у вас влиятельные друзья, Вайднер. Но это не значит, что вы легко отделались. – Затем повернулся и зашел в здание Управления уголовной полиции.

Когда через две минуты подъехало вызванное такси и остановилось перед Беном, он сел на заднее сиденье и задумался, какой адрес назвать водителю. Он все еще сомневался, ехать ли в свою квартиру или к Николь. Конечно, она

вряд ли обрадуется его визиту без предупреждения в субботу вечером, да и наткнуться на ее нового партнера Бену тоже не очень хотелось. Но он чувствовал себя изможденным, физически и душевно, и боялся возвращаться в свою тесную квартиру. К тому же он надеялся увидеть дочь и коротко поговорить с ней. Он хотел извиниться и мечтал обнять свою маленькую девочку. Кроме того, Николь понравились его статьи о ясновидении. Возможно, у него еще есть шанс вернуть ее. Из-за очередного провала памяти прошлой ночью и неведения, что же он делал в это время, Бен даже подумывал о том, чтобы отбросить все сомнения и все же обратиться за медицинской помощью и начать курс психотерапии. В конце концов, именно этого от него всегда требовала Николь, и он покажет ей, что готов заняться этим.

Таксист уже нетерпеливо постукивал пальцами по рулю. — Ну, и куда поедем? Через полчаса у меня заканчивается смена.

Бен помедлил еще немного, потом набрался храбрости и назвал водителю адрес в Пренцлауэр-Берг. Водитель пробормотал что-то недружелюбное в свою неухоженную бороду. Закончить работу вовремя у него сегодня не получится. Он включил счетчик, с негодованием взглянул в зеркало заднего вида и тронул машину с места.

Николь, узнав о беременности, захотела обязательно переехать в этот район Берлина. Прежде они два с половиной

года жили в маленькой двухкомнатной квартире Бена в Целендорфе. Так как оба целыми днями работали, а по вечерам обычно выходили в город, квартира, в которой они почти не бывали, полностью их устраивала. Но вскоре стало известно о грядущем пополнении, и они должны были переехать в квартиру побольше. Пренцлауэр-Берг был первым и единственным выбором Николь. Ей нравились суета и движение, в основном молодые, любящие детей жители, что выражалось в том числе и в количестве игровых площадок и детских садов – столько предложений не было ни в одном другом районе Берлина. Можно было назвать настоящим везением, что незадолго до рождения Лизы им удалось снять просторную квартиру с высокими потолками в доме старой постройки после капитального ремонта недалеко от Кольвицплац. Арендная плата была высокой, но с зарплатой Бена, как главного редактора, они могли позволить себе эту квартиру. Николь была вне себя от радости. Четырехкомнатная, почти стометровая квартира на первом этаже. С террасой и даже небольшим садиком. Бен улыбался, вспоминая то счастливое время. Когда он решил стать для своей семьи скалой, настоящей опорой.

Спустя несколько минут такси доехало до круга у Колонны победы, свернуло направо и направилось на восток, по улице 17 Июня к Бранденбургским воротам. Солнце все еще светило, хотя был девятый час вечера. На небе ни облачка. Из окна Бен видел отдельных бегунов и прохожих, которые с

разной скоростью передвигались по Тиргартену³. Снова его начали одолевать сомнения о правильности своего решения. В последние месяцы ему наверняка не пришло бы в голову нагрянуть к Николь, не уведомив ее заранее. А что такого изменилось между ними, раз он посчитал нормальным поехать к ней без предупреждения? То, что он обнаружил труп женщины и сейчас находился под подозрением у полиции, нисколько не сближало его с семьей. Скорее наоборот. Он также спрашивал себя, какую отговорку выдумала Николь, чтобы объяснить Лизе, почему он не явился в зоопарк на долгожданную встречу с ней. Конечно, Николь не сказала ей правду: правда лишь осложнила бы и без того непростые отношения между Беном и Лизой.

Вскоре такси уже ехало вверх по Пренцлауэр-аллее. Бен смотрел в окно машины, но почти не воспринимал того, что видел вокруг. Его мысли продолжали вертеться вокруг одних и тех же вопросов, которые он задавал себе все время, пока находился в одиночной камере. Как и раньше, у него не было ответа на вопрос, что же произошло, и тем более никакого понятия, как ему выбраться из всего этого. Он чувствовал себя жалким и уставшим. Как после недосыпа, к тому же в состоянии непроходящего похмелья.

В машине играл гангстерский рэп на немецкие тексты. Таковую музыку Бен не понимал. Почти каждый рэпер любил побравировать тем, что сам когда-то был частью криминаль-

³ Тиргартен – район Берлина.

ного мира. Это должно придавать музыке и текстам больше аутентичности. Водителю музыкальное сопровождение, похоже, нравилось. Он покачивал головой в такт. В сфере развлечений любая форма насилия приветствовалась, в реальности же сталкиваться с ней никто не хотел.

Каждый год в Берлине совершалось свыше ста преднамеренных убийств. Благодаря семи комиссиям по расследованию убийств со штатом до десяти полицейских в каждой, уровень раскрываемости достигал девяноста процентов. Это были факты, которые Бен знал от своего любимого коллеги, криминального репортера Фредди Фэрбера – тот с удовольствием выдавал эти данные, повторяя как попугай, даже когда его не спрашивали. Но то, что убийцы оказывались за решеткой, уже не помогало мертвым и не могло уменьшить горе родственников.

Еще месяц назад появился очередной специальный выпуск «Берлинского бульварного листка» с годовой статистикой по теме «Убийства и тяжкие преступления в Берлине». Как всегда, номер стал хитом продаж. По необъяснимым причинам реальная жестокость и вездесущий ужас вызывали у людей интерес. Наверное, по той же причине вечерний телевизионный эфир был посвящен исключительно катастрофам.

Бен и сам – под предлогом того, что люди нуждаются в информации – удовлетворял свою страсть к сенсациям, делая репортажи из кризисных районов. В Эфиопии ему пришлось

застрелить человека, чтобы самому остаться в живых. И вот он уже снова стал главным героем насильственных действий. Опять в глазах других он преступник. Какой абсурд!

В Берлине происходило много преступлений, но все равно он чувствовал себя здесь хорошо. Неужели он сейчас прикнул к темной стороне своего любимого родного города?

Прошло уже четырнадцать лет с тех пор, как он повернулся спиной к Берлину и перешел в «Гамбургскую ежедневную газету». Тогда он просто сбежал. В него влюбилась одна женщина, и он тоже начал испытывать к ней чувства. Но все, вероятно, закончилось бы катастрофой, не дерни он стоп-кран. Но на Эльбе он выдержал всего два года. Когда же вернулся на Шпрее, та женщина уже и сама куда-то переехала, а через шесть месяцев он по уши влюбился в Николь. Лишь когда такси заехало в жилую зону – вокруг блока домов старой постройки, – мысли Бена вернулись в настоящее. Через мгновение такси завернуло направо на Хуземанштрассе, где Бен прожил восемь лет с Николь и Лизой.

Бен слегка отклонился в сторону и посмотрел через просвет между передними сиденьями на широкую, на расстоянии ста метров, входную дверь пятиэтажного жилого дома.

В первый момент он решил, что ему померещилось. Он знал мужчину, который стоял под деревом посередине широкого тротуара и разговаривал по телефону. Он заметил и заднюю часть кузова черного «порше-панамера», принадле-

жавшего его другу.

– Немедленно остановитесь! – приказал он таксисту, который вздрогнул, но быстро среагировал, подъехал к тротуару и остановил машину.

Этого не может быть, пронеслось в голове у Бена. Что Виктору здесь делать? У него же якобы деловой ужин, который никак нельзя перенести. Бен спрятался за передним сиденьем пассажира. Каждая клеточка его организма напряглась.

– Вы хотите здесь выйти? – спросил таксист, которого смутило странное поведение Бена. – Как я уже сказал, через несколько минут у меня заканчивается смена.

Было видно, что он как можно скорее хочет избавиться от своего последнего в этот день пассажира.

– Пожалуйста, еще минутку, – прошептал Бен, словно Виктор мог его услышать.

Входная дверь открылась, и на улицу вышла Николь в сопровождении Лизы. Все, что происходило затем, Бен воспринимал как в замедленной съемке. Николь обняла Виктора. Бену на мгновение стало нехорошо. Рядом с Николь стояла Лиза. Она смеялась. Виктор погладил ее по голове, и они перебрались несколькими словами. Потом все вместе сели в «порше» Виктора и уехали. Значит, это Виктор новый воздыхатель Николь. Иначе как объяснить, что друг обманул Бена и вместо того, чтобы сидеть на деловом ужине, проводит время с его женой и дочерью? И теперь стало ясно, поче-

му Николь не хотела называть Бену имя своего нового друга.

Глава 10

Водитель такси закатил глаза – он был явно недоволен, что Бен не вышел из машины, а вместо этого захотел поехать к себе домой в район Кройцберг. Однако он без возражений включил поворотник и тронул машину с места. Вероятно, догадался, что у пассажира здесь все пошло не по плану, и не хотел создавать ему дополнительных проблем, отказываясь везти домой.

Бену хотелось кричать. Поездка напоминала передержанную пленку: с нечетким и ослепляющим изображением. С каждым километром изначальная злость на Виктора и Николь остывала, оставляя после себя грусть и разочарование. Из уголков глаз против воли катились слезы.

Примерно через двадцать минут такси доехало до Блюхерштрассе. Рядом с входной дверью многоквартирного дома находилась ликерная лавка «У Ханси». Как в любой выходной вечером, кучка людей стояла перед магазином, который был такой крошечный, что внутри едва помещались два покупателя, сам владелец и маленький прилавок. Все остальное место занимали две холодильные витрины, где охлаждались различные сорта пива и безалкогольных напитков, были также регалы с крепкими напитками. Бен задумался, не стоит ли захватить с собой в квартиру бутылку водки, но потом отказался от этой идеи.

Войдя на автопилоте в квартиру, он даже не потрудился включить свет или снять куртку. Сел в кресло и уставился пустым взглядом в стену. Желтый свет уличного фонаря перед домом проникал внутрь через незанавешенное окно. Сумеречного света было достаточно, чтобы разглядеть очертания комнаты и обстановки. Где-то вдали раздавался вой перекрывающих друг друга сирен. За исключением работающего телевизора соседа этажом ниже и клацающих каблучков соседки сверху в его квартире было тихо. Он пребывал в том странном состоянии, когда ни о чем конкретном не думал. В его голове царил пустота. Затем перед глазами возникла картинка спокойного, отступающего моря перед очередным ударом цунами. Он чувствовал себя так подавленно и безнадежно, что даже не попытался бы убежать от стихии. Он встал бы на берег и ждал, пока волны накроют его.

Неожиданно квартиру наполнил вибрирующий звук электронной музыки. Когда Владимир из соседней квартиры просыпался, он первым делом врубал громкую музыку. Русский, видимо, снова проспал весь день, чтобы прийти в форму для своего ночного тура по клубам города. Бен вздохнул. У него не было сил ни встать, ни постучать в стену, чтобы просигнализировать Владимиру, что он дома и хочет тишины.

Николь и Виктор! Очевидно, что друг воспользовался его ситуацией и расставанием с Николь, чтобы расположить ее к себе. В присутствии Виктора она выглядела счастливой.

Подсознание Бена высвобождало все больше самых разных мыслей.

Какую роль играет ясновидящий? Почему он лжет? Или кто выдавал себя за Арнульфа Шиллинга? Мужчина, назвавший ему зловещие дату и время, скорее всего, имеет какое-то отношение и к смерти Тамары. От следующей мысли у него перехватило дыхание: доказательства его собственной невиновности не существует. Он был у Тамары незадолго перед ее смертью и не имел алиби на момент совершения преступления. Что еще хуже – в то время, когда Тамару утопили, сам он был в отключке и не помнит ни как покинул квартиру при живой хозяйке, ни как оказался в своей кровати. Вместе со вспыхивающими воспоминаниями, которые регулярно катапультировали его в дом, где их с Кевином Маршаллом заставили целиться друг в друга, все это представляло собой такую мешанину, что Бен, честно говоря, уже не мог поручиться за свою вменяемость.

Неужели он настолько больной, что, сам того не замечая, утопил женщину и заставил ее сына смотреть на это? Сейчас Бен очень сожалел, что не согласился на психотерапевтическое лечение, как советовали ему Николь, врач скорой помощи и даже работодатель.

В любом случае предсказание Шиллинга не могло быть совпадением. Самым очевидным для Бена был вариант, что Тамару убил ее бывший муж. У нее единоличное право опеки над общим сыном, а отцу суд разрешил лишь видеться с

ним раз в две недели. Но опять же, откуда ему знать о предсказании Шиллинга? И зачем заставлять собственного сына смотреть на убийство матери? Нет, убедительного объяснения, ведущего к убийце, в настоящий момент не было.

Бен решил как можно скорее переговорить с Арнульфом Шиллингом. Пока он размышлял, его веки становились все тяжелее, и Бен в конце концов задремал. Отрывки допроса Хартманом перемешались с телефонными разговорами с Николь. Фигура Виктора перед квартирой Николь сменялась образом мертвой Тамары Энгель в ванне. Потом он снова оказывался в том доме, целился в Кевина Маршалла, видел свой дрожащий указательный палец, нажимающий на спусковой крючок, и пулю, которая попала Кевину в лоб. На этом месте Бен вздрогнул от ужаса и проснулся. Он по-прежнему сидел в своем кресле. На лбу выступила испарина. Он потрогал ноющий шрам над виском, там, где пуля Кевина задела его голову. Наручные часы показывали половину двенадцатого. Значит, он проспал больше часа. Сейчас в квартире стояла полная тишина. Значит, Владимир уже ушел. Пока Бен пытался справиться с паникой, вызванной сновидениями, в голове снова зазвучал голос Арнульфа Шиллинга: «24 июня. 2 часа 41 минута». Это через пару часов. И тут Бена осенила идея, заставившая его немедленно действовать. Он упустил один момент, который наверняка учла полиция. Дата и время на кафеле в Тамариной ванной могут означать следующее убийство. И время его совершения че-

рез несколько часов, в 2:41.

И если у Бена на это время не будет алиби, потому что он находился один в своей квартире, Хартман обязательно попытается повесить на него и это преступление. За Беном наверняка следят, чтобы лишний раз не рисковать. Но тем не менее лучше подстраховаться и пойти туда, где как можно больше людей, которые позже могли бы подтвердить, что видели его в это время, а значит, он не мог убить какую-нибудь женщину в полтретьего ночи. Бен резко вскочил. Сначала подумал о дискотеке или баре. Но можно ли быть уверенным, что посетители точно вспомнят его на следующий день? Потом Бену в голову пришла другая идея, которая понравилась больше. Если убийца действительно совершит ночью еще одно преступление, то на следующий день станет ясно, что это не мог быть Бен, потому что он вернулся туда, откуда лишь сегодня вышел. Он добровольно проведет ночь в здании Первого управления уголовной полиции на Кайтштрассе.

Бен вышел из квартиры и нажал на выключатель этажного освещения. Тут же над дверью холодным светом замигала энергосберегающая лампочка. Так продолжалось уже несколько недель. Но по таким пустякам ни один жилец дома не утруждался и не обращался в домоуправление, чтобы те исправили ситуацию. Бена эта неисправная лампочка беспокоила так же мало, как разноцветная мазня на стенах подъезда и тот факт, что его квартира – вместе со всем лестнич-

ным маршем – остро нуждалась в ремонте. Зато аренда низкая, что было важно, так как Бен частично платил и за квартиру в Пренцлауэр-Берг. Он не хотел, чтобы Николь и Лиза переезжали в другое место. Конечно, с этим была связана и надежда, что когда-нибудь он снова будет жить там с ними. Но сейчас, когда выяснилось, что Николь вместе с Виктором, эта надежда тоже была уничтожена.

Со связкой ключей в руке Бен повернулся к двери, чтобы запереть ее. Нашел замочную скважину в один из моментов свечения лампы. В тот же миг каждая клеточка его организма судорожно сжалась. Голова резко откинулась назад, словно кто-то рванул его за волосы. Бен почувствовал, как клацнули его зубы и, подкосившись, ударились друг о друга ноги. Боль, за доли секунды распространившаяся вниз от затылка по всему телу, была очень сильной. Он раскрыл рот, чтобы закричать, но ничего не вышло. Не получилось и поднять руку, чтобы потрогать место на затылке, откуда, казалось, и шла вся боль. У Бена перехватило дыхание, голова закружилась, внутри все горело от жара. Перед глазами мелькали вспышки, и на мгновение окаменевшее тело замерло в напряжении. Все ощущения были словно заблокированы. Сквозь болевую волну он чувствовал только одно: что не может больше дышать. На его голову было натянуто нечто, лишавшее Бена кислорода. Он провалился в темноту. Но надеялся остаться в сознании. В последней попытке сопротивления Бен пробовал пинаться, опереться на что-нибудь, за

что-то схватиться. Но чувствовал в конечностях лишь бесконтрольную и бессильную дрожь. У Бена было ощущение, что он падает вперед, в пустоту. Где же входная дверь? И тут на него обрушился удар.

Глава 11

– Вот увидишь, он выйдет, – сказал Лутц Хартман своей коллеге Саре Винтер, которая сидела рядом на пассажирском сиденье.

Сара не горела желанием просидеть всю ночь с Лу – так она называла Лутца Хартмана – в старом черном универсале БМВ-5, который им выдали в качестве служебного автомобиля. Поэтому ее настроение было соответствующим. Да и будет ли вообще толк от этой слезки, одному лишь Богу известно. Но Лу так захотел. А он шеф.

– Не думаю, что Вайднер настолько глуп, чтобы совершить убийство, заранее уведомив о нем, – заметила Сара.

– Ты говоришь это лишь потому, что предпочла бы остаться дома с любовником, пастой и бутылкой красного вина.

Сара вымученно улыбнулась. Лу отлично знал, что в ее жизни уже давно никого не было.

– Да, а я вместо этого сижу со старпером в заплесневевшей машине, где полно каких-то объедков, и теряю время!

Хартман засмеялся:

– Может, ты просто считаешь меня неотразимым, дорогуша?

– Мечтать не вредно.

В некоторых вопросах Лутц Хартман и Сара Винтер были очень разными, но в общем и целом находились на одной

волне, которая включала и юмор.

Однако внешне и в подходе к делам более непохожих людей сложно было найти. Пятидесятидвухлетний Хартман с лысиной и приплюснутым носом боксера был далек от импозантности, а что касается работы в полиции, принадлежал еще к старой школе. Сара же была исключительно красивой молодой женщиной чуть за тридцать. Прямые русые волосы доходили ей до плеч, и, когда Сара находилась не на службе, она обычно носила высокие каблуки и обтягивающие джинсы. Несмотря на свою ангельскую внешность, среди коллег она пользовалась репутацией бескомпромиссного и невозмутимого сотрудника. Даже осмотр жестоко изуродованных трупов не вызывал у нее отвращения, а скорее подстегивал тщеславие и желание раскрыть убийство. Благодаря своим выдающимся успехам и инициативности она стала одной из немногих женщин, чью резюме-заявку на дополнительное образование по специальности «психолог-криминалист» приняли в Федеральном уголовном ведомстве.

Сара Винтер пришла в 11-й отдел Управления уголовной полиции Берлина три года назад. И выбрала себе в напарники именно Лутца Хартмана, с которым больше никто не хотел сидеть в кабинете. При этом целый ряд коллег моложе и красивее с удовольствием согласились бы работать с ней. После того как предшественник ушел на пенсию, Хартмана как раз назначили новым руководителем Четвертой комиссии по расследованию убийств. А спустя всего пару месяцев

Сара получила его предыдущую должность заместителя. С тех пор многие в Управлении уголовной полиции считали ее расчетливой карьеристкой. Хартман был невысокого мнения о Сариных психологических методах в оперативно-разыскной деятельности. Возможно, потому, что обладал недостаточно тонкой натурой, чтобы перенестись в мир мыслей и чувств других людей, и не мог представить, что и другие на это способны. Он охотнее доверял сначала своему нюху, исключал возможность совпадений и, реконструируя совершенное преступление, скрупулезно искал подходящие улики. Именно такие противоположные подходы и умение абстрагироваться от личных проблем превратили эту необычную парочку – вопреки всем пессимистическим прогнозам – в необычайно эффективную и успешную команду. Их процент раскрываемости был самым высоким среди семи комиссий по расследованию убийств, которые относились к отделу «Преступления против жизни» в берлинском Управлении уголовной полиции.

Большую часть своих двадцати пяти лет на службе Хартман занимался поиском опасных преступников. В случае утопленной Тамары Энгель, по его мнению, многое говорило за то, что Бена Вайднера стоит рассматривать как причастного к убийству. Все-таки он последний встречался с жертвой и не имел алиби на момент совершения преступления. Сара пока не торопилась с выводами и оценками.

– А что ты скажешь насчет времени, указанного в статье

Вайднера, которое полностью совпадает с надписью на кафеле в ванной погибшей? Об этом мог знать только преступник, – сказал Хартман и заметил, что безуспешно пытается убедить коллегу в своем мнении.

Сара Винтер коротко пожала плечами и сделала глоток уже остывшего кофе – коллеги, которых они сменили на посту, захватили для них на ближайшей заправке напитки и несколько пончиков.

– Не думаю, что Вайднер настолько глуп. Он же должен понимать, что мы заподозрим его, как только выйдет статья. А потом он еще признается, что был в квартире Тамары Энгель незадолго до убийства. Будь он преступником, умолчал бы об этом. И уж тем более не вернулся бы на следующее утро в квартиру.

Хартман отмахнулся:

– Это может быть расчет. Сама подумай: если мы найдем его ДНК или ворсинки его одежды, то он всегда сможет объяснить это тем, что был в гостях у Тамары Энгель. Поэтому ему не нужно беспокоиться, если мы докажем, что он пил из чашки, которая стояла на журнальном столике. Но с такой же вероятностью он может быть и убийцей.

Кто-то вышел из дома, за которым они наблюдали. Хотя вскоре стало ясно, что это не Бен Вайднер, Хартман от неожиданности чуть не расплескал свой кофе.

– Он играет с нами, – продолжил он затем. – Вайднер ведь точно знал, что его приятель Виктор фон Хоенлоэ как-ни-

будь вытащит его, а конкретных улик против него у нас нет. Он хочет продемонстрировать свое превосходство. – Хартман жадно впился зубами в свой пончик с шоколадной глазурью. – Как тебе нравится моя психограмма? Для этого мне не нужно специального образования.

– Если он такой умный, то наверняка не позволит заглянуть себе через плечо во время следующего убийства, – ответила Сара и бросила недовольный взгляд на живот Хартмана. Футболка на нем сильно натянулась, а крошки от выпечки, лежавшие сверху, напоминали скалолазов во время покорения горной вершины.

– Что такое? – спросил Хартман и укоризненно посмотрел на нее своими большими глазами.

– Тебе действительно стоит подумать о диете, Лу, иначе однажды ты просто треснешь по швам.

Хартман широко улыбнулся и с наслаждением проглотил остатки пончика. Он никогда не был женат и не собирался ни с кем знакомиться. Поэтому ему не нужно было впечатлять кого-то своей фигурой. О себе он говорил, что женат на работе. Кроме Сары, никто в участке не осмеливался вот так с ним разговаривать. Сара же с самого начала не боялась контакта с немного вспыльчивым главным комиссаром уголовной полиции и везде, где только можно, давала ему отпор. Похоже, как раз это ему и импонировало, возможно, потому, что в конце концов все равно он принимал решение. Сара предполагала, что ему втайне нравилось, что она называет

его Лу, а не Хартман или Псих, как его шепотом именовали другие коллеги.

– Ладно, – сказал Хартман, запил пончик остатками кофе и посмотрел вверх, на окна квартиры Вайднера. Они следили за ним с тех пор, как Бен сел в такси перед зданием Управления уголовной полиции, и наблюдали, как он сначала поехал к дому своей жены, а позже вошел в подъезд собственного дома. Ожидая прибытия Хартмана и Сары, коллеги проверили многоквартирный дом, где жил Вайднер. И сообщили, что квартира Вайднера расположена на пятом этаже и выходит окнами на улицу. Тщетно Хартман и Сара ждали, пока внутри зажжется свет. Хартман забеспокоился, потому что предположил, что Вайднер вовсе и не пошел в свою квартиру, а сбежал через заднюю дверь. Но это не подтвердилось. Через открытую арку рядом с входной дверью Хартман попал во двор и выяснил, что, хотя задняя дверь действительно вела туда, двор был обнесен пятиметровой стеной. Единственная возможность покинуть дом – через парадный вход, который они держали под наблюдением.

Сара склонялась к тому, что Вайднер или сидит в другой квартире у какого-нибудь друга или знакомого, или просто не стал включать у себя свет. Если он выйдет из здания, они его обязательно заметят. Их машина была припаркована наискосок от семиэтажного жилого комплекса.

– И ты действительно хочешь торчать здесь до завтрашнего утра? – спросила Сара.

– Да, и если он все это время останется в доме, то может сказать нам спасибо. Своим наблюдением мы обеспечим ему первоклассное алиби, если завтра выяснится, что ночью произошло очередное убийство по тому же сценарию. Но я готов спорить на что угодно – он скоро появится. Этот парень с заскоком.

– Ну, вам виднее, господин старший психолог.

– Да, и я на этом настаиваю. Еще увидишь.

– У меня сильное подозрение, что ты слишком зациклился на Вайднере, – ответила Сара.

Хартман надул щеки в наигранном возмущении:

– Слушай, у каждого свои любимчики. Кроме того, нас нельзя упрекнуть в одностороннем расследовании. В конце концов, наш подозреваемый номер два тоже находится под наблюдением.

По тону, каким это было сказано, Сара четко поняла, что он считал наблюдение за бывшим мужем Тамары Энгель ненужным. И в этом она была согласна с шефом, хотя Себастиан Энгель был азартным игроком и, по словам Тамариной подруги, в браке бил жену, а после развода следил за ней и даже угрожал. Но на время совершения убийства у него было алиби.

– Я думаю, убийца хотел что-то сообщить. Должна быть особая причина для того, чтобы утопить женщину и заставить ее сына смотреть на это. Если мы правильно интерпретируем рисунок мальчика и на убийце действительно была

средневековая маска, тогда многое свидетельствует о том, что он хотел покарать жертву. В те времена, когда людей еще вешали или им отрубали головы, палачи носили такие холщовые маски.

– О, психолог-криминалист сделал домашнее задание. Звучит не так уж плохо. Хочешь сказать, что наши средне-статистические убийцы, – Хартман пальцами изобразил в воздухе виртуальные кавычки, – с которыми мы обычно работаем, хватаются за пистолет, нож или бейсбольную битую и особо не заморачиваются?

Сара кивнула:

– И уж точно не оставляют сообщений на кафеле в ванной. Здесь мы имеем дело с преступником, который постарался и до мелочей продумал убийство. Он связал женщину так, что она не могла пошевелиться. Обмотал вокруг ее тела несколько метров веревки, положил в ванну и набрал воды. Потом опустил ее голову под воду и держал, пока женщина не захлебнулась и не умерла мучительной смертью.

– Достаточно хладнокровно, – вставил Хартман. Он презрительно фыркнул. – Вероятно, этот извращенец еще и наслаждался, наблюдая за утоплением. Я задаюсь вопросом, почему он выбрал Тамару Энгель и почему ее маленький сын должен был смотреть на то, как умирает мать.

– А еще дата и время, которые, возможно, означают следующее убийство. И преступник отрезал у жертвы прядь волос и забрал с собой. Вероятно, он к тому же собиратель

трофеев. Все эти детали как-то взаимосвязаны. Я только не знаю как. Но одно точно: все указывает на начавшуюся серию убийств.

Приблизительно в тридцати метрах перед ними находилась регулируемый перекресток. Время от времени пробка на светофоре доходила до их машины. Пока что Хартман и Сара ни разу не выпускали входную дверь жилого дома из виду. Но сейчас перед их автомобилем остановился рейсовый автобус и загородил обзор. Хартман тут же запаниковал. Только он хотел выйти из машины, чтобы с более выгодной позиции продолжить следить за входной дверью, автобус тронулся с места. С багровым лицом Хартман повернулся к Саре:

– Считаешь, если мы разгадаем послание, которое адресует нам убийца, то мы его вычислим?

– Возможно, – ответила Сара. – В любом случае Себастиан Энгель не будет убийцей своей жены. В этом я вполне уверена. Он бил бывшую жену и наносил ей телесные повреждения. А наш преступник оставил жертву внешне невредимой. Да и зачем Себастиану Энгелю убивать бывшую жену таким изощренным способом и заставлять своего сына смотреть на это? То же самое касается и Вайднера: зачем ему прилагать столько усилий и топить в ванне женщину, с которой он только что познакомился? В большинстве случаев существует причина, почему убийство совершается определенным нетривиальным способом.

Хартман посмотрел на часы на панели приборов и шумно

выдохнул, чтобы освободить место для своего негодования.

– Но возможно, Вайднер просто не переносит вида крови, – добавил он затем. Сара поняла, что партнер невысокого мнения о ее анализе. – Господи, Сара, подумай сама. Вероятно, все очень просто, как это обычно и бывает. Мужчина с психологической травмой, которого бросила жена, находит труп разведенной женщины, в чьей ванной комнате на стене намалеваны дата и время, которые тот же самый мужчина указал в своей недавно вышедшей статье. Но он утверждает, что не имеет к убийству никакого отношения. А ясновидящий, от которого якобы и была получена эта информация, лежит в больнице и ничегошеньки не знает. Поверь мне, Вайднер не в себе и отлично вписывается в составленный тобой психологический профиль преступника. Потому что кто бы ни совершил убийство, это определенно психопат.

Сара вздохнула и смерила Хартмана неодобрительным взглядом. На этот раз, в порядке исключения, последнее слово осталось за ним, потому что сейчас дискуссии с ним не получалось.

В следующий момент из подъезда вышел мужчина и быстро зашагал по плохо освещенному тротуару в сторону станции метро «Зюдштерн».

– Думаю, это он, – сказала Сара. – Фигура и рост совпадают. И я вполне уверена, что это та же куртка, в какой он входил в дом.

Под курткой на мужчине был надет темный пуловер с капюшоном, который он натянул на голову так, что лица было не разглядеть.

– Я за ним, – решительно заявил Хартман и с ловкостью, какой Сара от него не ожидала, выскочил из БМВ. При этом тихо выругался. Вайднер, очевидно, решил идти пешком. Сара знала, что Лу в тысячу раз милее было бы другое развитие событий: он предпочел бы преследовать «фольксваген-гольф» Вайднера, под кузовом которого их коллеги предварительно установили магнитный пеленгатор.

Когда Сара в свою очередь открыла пассажирскую дверцу, чтобы пойти с Хартманом, тот просунул голову в еще незакрытую дверцу со стороны водителя:

– Ты лучше здесь подожди. На случай, если мы обозначимся. Продолжай следить за входом, пока я не вернусь или не дам знать.

Затем Хартман захлопнул дверцу водителя и поспешил вслед за своим объектом, стараясь не привлекать к себе внимания.

Глава 12

Жирный боров не упускал его из виду и тащился по пятам. А зачем еще толстяку и его коллеге следить за входной дверью, если не для того, чтобы последовать за ним, как только он выйдет из дома? Но все это превосходно вписывалось в его план. Не спеша он шел по тротуару в сторону метро. Одновременно незаметно натянул на руки латексные перчатки. Он не хотел оставлять отпечатков.

Ночь была ясная. Теплый южный ветер шелестел листвою деревьев, мимо которых он проходил, стараясь не оборачиваться.

Спустя пять минут достиг пересечения дорог рядом с Зюдштерн. Сначала держался левее, а потом свернул направо в сторону Лилиентальштрассе. Справа возвышалась церковь на Зюдштерн. Он бросил быстрый взгляд на здание и одновременно краем глаза покосился назад. Толстого не было видно. Как бы полицейский не отстал. Всего в нескольких метрах за перекрестком на Лилиентальштрассе находилась базилика Святого Иоанна, чью величественную колокольню по бокам украшали две башни пониже. Большой золотой циферблат церковных башенных часов показывал 12 часов 25 минут. У него еще достаточно времени.

Церковь на Зюдштерн, мимо которой он только что прошел, была протестантской, а базилика Святого Иоанна при-

надлежала католической епархии Берлина. Убедившись, что толстяк снова появился на тротуаре, он открыл кованые ворота и направился через небольшую площадь к входному portalу.

Довольный собой, подождал немного, чтобы полицейский мог его нагнать. В это время восхищенно рассматривал декор фронтона над входом. В тимпане был изображен Иоанн Креститель, в честь которого и была назвала базилика.

Он закрыл глаза, сделал глубокий вдох, задержал воздух и попытался проникнуться внутренним покоем, который, как ему всегда казалось, исходил от церквей и усыпальниц. И именно здесь, в базилике Святого Иоанна, близость Отца ощущалась особенно сильно.

«Мой конец близок, и все равно я чувствую себя сильным, как никогда прежде», – подумал он и наконец выдохнул. Шум близлежащей автомагистрали был заглушен голосом в голове.

«Я не смог бы найти для этого никого лучше тебя», – шептал ему голос.

– Я знаю, – тихо ответил он.

Конечно, храм в это время был закрыт. Поэтому уже несколько недель назад он сделал дубликаты ключей, которые могли понадобиться. Сейчас он достал связку с обоими ключами, отпер дверь и вошел в переднее помещение базилики. Несколько настенных светильников и слабый свет уличных фонарей придавали находящимся перед ним сво-

дам что-то мистическое. Он часто бывал один в этой и других церквях. Но сейчас это было что-то особенное. Чувство превосходства охватило его.

Вначале, когда Отец обратился к нему через голос, он ощущал раздражение. Лишь со временем ему стало ясно, что он Избранный и что вся его жизнь, все, что с ним случилось, непременно должно было произойти, чтобы подготовить его к миссии. Он был идеальным инструментом для этого важного задания. Как одно из тех растений, которые цветут лишь раз в жизни, а потом умирают. И подобно такому растению он знал, что цель его жизни будет выполнена, лишь когда смерть настигнет его.

Перекрестившись, он с благоговением направился по центральному проходу мимо расположенных по бокам колонн и нефов, пока не дошел до апсиды – полукруглой ниши, где находился алтарь. Быстро взглянул наверх, на великолепную роспись высокого купольного свода.

Положил на алтарь Библию, которую принес с собой. Затем пролистал до заранее выбранного места, которое выделил ярким фломастером. Найдя нужную страницу, он поднял взгляд на массивное распятие за алтарем с деревянной фигурой Иисуса Христа. Рассматривал кровоточащие раны Иисуса. Сам он умрет без каких-то видимых телесных повреждений. Но и ему придется испытать невыносимую боль, чтобы, как Иисус, сказать в конце своему Отцу: «Свершилось». На его губах появилась блаженная улыбка.

С правой стороны за помостом с алтарем висел красный занавес. За ним находился узкий проход, ведущий в сакристию. В конце прохода он спустился по узкой лестнице в нижний склеп базилики, освещенный тусклой аварийной лампой. Вымощенный грубым камнем узкий коридор вел к мощной металлической двери. Он вытащил второй ключ для этого выхода из подвала, отпер замок и поспешил вверх по ступеням. На расстоянии метров десяти по правой стороне почти до самой улицы тянулась ограждающая стена. Прячась за самшитами, он перебежал к стене, открыл деревянные ворота и вышел на газон, заросший кустарниками и деревьями. Он мог бы просто исчезнуть, но должен был знать, удался ли его план, поэтому пошел вдоль стены назад в направлении улицы. В одном месте, с которого была видна вся площадь перед входным порталом, которую он пересек несколько минут назад, он, спрятавшись в тени старого дуба, привстал и осторожно заглянул через стену.

Он не смог сдержать улыбку. Сотрудник уголовной полиции стоял в стороне рядом с церковью и разговаривал по телефону. Выглядел растерянно. Конечно, он не знал, что ему делать, когда его объект наблюдения вошел в церковь. «Что ты решишь, полицейская ищейка: войти или остаться снаружи?»

Со своего места толстяк мог видеть только главный и боковой входы в церковь и, конечно, ничего не знал о находящемся сзади проходе через подвал. Наконец он закончил го-

ворить и побежал вверх по ступеням к главному входу.

Ему было любопытно, смогут ли они сразу правильно истолковать его подсказку. Так у них хотя бы появится шанс понять, почему все это происходит: смысл не в том, чтобы убить людей, а прежде всего в послании, которое за всем этим скрывается.

Он выучился у своего мастера и собирался превзойти его. В отличие от мастера, который совершал свои добрые дела тихо и незаметно для других, он хотел, чтобы его труд увидели и оценили. Но его также научили, что необходимо однозначное поручение Отца, чтобы иметь право лишить человека жизни. Хотя речь шла о смертном грехе, который совершали женщины, он все равно хотел быть абсолютно уверен, что они должны умереть по воле Господа, вот почему доверялся знакам. Только следуя по правильному пути, он может рассчитывать на защиту Отца, который поможет ему завершить труд своей жизни.

Он удовлетворенно вздохнул и вышел из-за деревьев и кустарников на Лилиентальштрассе. Прошел немного по направлению движения и свернул на Цюллихауэрштрассе. Там по Ютеборгерштрассе и Федициништрассе добрался до станции метро на Мерингдамм. И через несколько минут сел в электричку, следующую в западном направлении.

Глава 13

Сара получила звонок от Хартмана спустя четверть часа после того, как он отправился вслед за Беном Вайднером. Он объяснил ей, что объект вошел в базилику Святого Иоанна, что сам он подождет немного и тоже последует за ним. Через пять минут Хартман в ярости сообщил ей, что Вайднера уже нет в церкви и, вероятно, тот вышел через подвальную дверь с другой стороны здания.

– Возможно, мы ошиблись и преследовали не того, а Вайднер по-прежнему в своей квартире, – сказала Сара. – Я проверю, прежде чем поеду к тебе.

– Ладно, только быстро, – ответил Хартман и положил трубку.

Сара вышла из машины и побежала через дорогу к подъезду дома. Быстро просмотрела табличку с несметным количеством кнопок-звонков и стоящими рядом фамилиями, пока не наткнулась на звонок Вайднера. Нажала несколько раз. Как и ожидалось, никто не ответил. И все равно Сара жала второй раз, третий. Ничего. Когда дверь подъезда неожиданно открылась, Сара испугалась. Перед ней стоял коренастый мужчина лет тридцати. На поводке он держал маленькую собачку неопределенной породы. Он на мгновение замер и подозрительно посмотрел на Сару. Та воспользовалась случаем и проскользнула мимо него в переднюю.

– Эй, вы куда? – крикнул ей вслед мужчина.

Сара вытащила свое удостоверение из кармана джинсовой куртки и сунула ему под нос:

– Уголовная полиция Берлина. А сейчас позвольте мне сделать свою работу!

Мужчина удивленно поднял брови, но, не сказав ни слова, вышел со своей собачкой на улицу. Сара услышала щелчок дверного замка, когда была уже на лестничной площадке второго этажа. Через несколько секунд она добралась до пятого этажа и завернула направо, в коридор. Перед дверью с фамилией Вайднер остановилась и нажала на звонок. Когда никто не открыл, она постучала.

– Господин Вайднер, это Сара Винтер из Управления уголовной полиции. Если вы там, пожалуйста, откройте дверь. Я хочу просто поговорить с вами. – Сара старалась не кричать. В конце концов, соседям не нужно ничего знать. Но она была уверена, что Вайднер услышал бы ее, будь он дома. Она подождала еще минуту, но за дверью все было тихо. Значит, Хартман действительно преследовал Вайднера.

Погруженная в мысли, Сара вышла на улицу, села в БМВ и поехала к своему коллеге на Лилиентальштрассе. Ранее из дома вышел кто-то, похожий на Бена Вайднера. Сейчас Вайднера не оказалось в квартире. То есть вполне вероятно, тот мужчина, которого преследовал Хартман, и есть Вайднер. Сара задумалась. Большинство психопатов никак не проявляют себя в обыденной жизни, даже скорее произ-

водят самое безобидное впечатление. После их ареста соседи и знакомые почти всегда говорят: «Мы и подумать про него такое не могли». С Беном Вайднером будет так же? Стрессовая ситуация, которую Вайднеру пришлось пережить во время похищения, и расставание с женой и ребенком могли повлечь за собой экстремальные психические изменения.

Добравшись до церкви, Сара вместе с Лу еще раз обыскали здание, включая и подсобные помещения. Безуспешно. Разбитые, уселись на скамью для молитвы перед алтарем. Хартман яростно сопел.

– У него должны быть ключи от входных ворот и подвальной двери. Я спрашиваю себя, как он их достал.

– Полагаю, нам в любом случае придется вытащить священника из постели. Кто-то ведь должен запереть ворота. Вот мы его и спросим, – сказала Сара.

Она достала сотовый телефон, позвонила Андрэ Слибову, старшему комиссару из следственного отдела, который работал над этим делом, и попросила его разыскать священника базилики Святого Иоанна и вызвать сюда.

– Вайднер, видимо, знал, что мы за ним следим, – сказала Сара, положив трубку.

– Конечно, знал. А я попался на его крючок. Вот дерьмо. Если он убьет еще одну женщину, это моя вина. – Хартман провел рукой по лысине и потом сжал руку в кулак.

– Вайднера нельзя было выпускать из тюрьмы, – сказала Сара.

– Чепуха. – Хартман уныло покачал головой и фыркнул. – Так у нас хотя бы был шанс выследить его и, возможно, поймать на месте следующего преступления и уличить.

– Но что ты мог еще сделать?

Хартман с горечью посмотрел на нее:

– Я должен был сразу войти внутрь вслед за Вайднером. Пусть даже слежка провалилась бы в этом случае, но мне, возможно, удалось бы предотвратить следующее убийство.

Сара не могла отрицать, что в каком-то смысле Хартман прав. И хотя у нее появились серьезные сомнения относительно ее первого впечатления о Вайднере, она попыталась успокоить коллегу:

– Это еще не точно. – Она задавалась вопросом, может ли Вайднер на самом деле оказаться хладнокровным убийцей.

Через полчаса подошел священник. Высокий, около шестидесяти лет, с короткой стрижкой и в очках без оправы.

– Ради всего святого, что здесь произошло? – спросил он и продолжил говорить, не дождавшись ответа. Голос его срывался от волнения. – Простите, что не смог приехать раньше. Но пока я оделся, а потом еще дорога сюда... Дом священника, в котором я проживаю, находится рядом с другой церковью, в которой я тоже служу, а это в нескольких километрах отсюда. – Он боязливо озирался, подавая руку Хартману и Саре, и представился Маттиасом Вейландом.

Мы не думаем, что что-либо было украдено или повреждено, – сказала Сара. – Мы преследовали одного подозре-

ваемого. У того, видимо, был ключ от церковных ворот и от двери в подвал. То есть он попал внутрь через главный вход, а выбрался через заднюю дверь. Так он от нас и сбежал.

Священник сосредоточенно кивал. Сара заметила на его лице выражение облегчения. Он был рад, что его церковь не пострадала.

– Кроме главных ворот, бокового входа справа и подвальной двери сзади есть еще возможность покинуть здание? – спросил Хартман.

– Нет, – ответил Вейланд.

– А у кого есть ключи от этих дверей? – спросила Сара.

– У меня, обеих уборщиц, органиста и руководителя церковного хора.

– Имя Бен Вайднер вам что-нибудь говорит? – с надеждой спросил Хартман.

Вейланд взялся за подбородок и задумался.

– Нет, возможно, я уже слышал это имя, но он точно не член этой церковной общины.

Завтра первым делом нужно опросить всех владельцев ключей. Как-то ведь Вайднер раздобыл их, подумала Сара. И если им удастся установить связь одного из этих людей с Вайднером, то это важная улика. Хартман вздохнул рядом:

– Хорошо. Я предлагаю осмотреть все еще раз вместе. Вы лучше всех ориентируетесь здесь. Больше мы ничего не можем сделать в настоящий момент.

Разве только надеяться, что он не повторит преступление,

подумала Сара.

В конце нового безуспешного обыска священник подошел к алтарю.

– Странно, – произнес он, и его громкий голос эхом отозвался от стен церкви.

Священник уставился на нечто, лежащее на алтаре. Когда Сара и Хартман подошли и встали рядом, они увидели, что так удивило священника.

– Ее положил сюда кто-то чужой, – сказал он.

На алтаре лежала раскрытая Библия. Когда Сара прочитала выделенный маркером текст, по спине у нее пробежал мороз.

Глава 14

Катрин Торнау раздосадованно вздохнула и повернулась в кровати на другой бок. Посмотрела на будильник – стрелки показывали 1 час 40 минут. Сна ни в одном глазу. Сердце колотилось. Охвативший ее страх усилился: ей казалось, что она слышала какие-то странные звуки и шорохи. Темнота в спальне вдруг стала угрожающей. Катрин включила ночник и приглушила свет до минимума. Она представила себе преступника, который хочет взломать дверь ее квартиры. Попыталась убедить себя, что это всего лишь ее разбушевавшаяся фантазия.

Катрин были знакомы эти приступы страха. Они начались год назад, незадолго до расставания с мужем. С тех пор неприятные и внушающие ужас бессонные ночи стали обычным явлением. Особенно когда – как этой ночью – на небе не было ни облачка, зато светила почти полная луна, и короткие фазы сна сопровождались ночными кошмарами.

«Нет, пожалуйста, только не это!» – подумала она, когда через потолок донесся шум из квартиры сверху. Был субботний вечер, а новые жильцы над ней завели привычку до утра веселиться с гостями под оглушительную музыку. Катрин считала за счастье, что, по крайней мере, ее шестилетний сын обладал крепким сном. Хоть какое-то хорошее качество, которое он унаследовал от отца. Катрин накрыла го-

лову подушкой. Наверняка вскоре кто-нибудь из соседей не выдержит и попросит этих идиотов выключить музыку или вызовет полицию. Тянулись минуты, казавшиеся ей часами. Но музыка не становилась тише. У Катрин даже появилось ощущение, что громкость, наоборот, усиливается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.